

СМЕНА

№ 2 ВЯЗЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

объемных молодых строителей нашего молодого журналистского журнала.

Что и говорить, изменился наш читатель! Ста вразбеге, грамотней. Многие спрашивают тех, кто обращается к «Смене» и в надежде годы идут к источнику знания, теперь сами обладают энциклопедическими знаниями. Изменились и задачи журнала.

От задания просветительского и журналистского к журналистскому, где можно обобщать опыт работы, где можно оставить попутное дело, поставить на обсуждение журналистам важный вопрос. Среди наших героев — Герои с Большой буквы — молодые Герои Социалистического Труда, гвардейцы девятого полка: рассказываю о них, об их судьбах, их жизни, их труде, журналу удается выработать единый тон, общедоступный, характерно для каждого из них в отдельности и для всех вместе. Это задание мы считаем одним из главных, ибо определяем черту ха-

рактера молодого героя нашего времени есть анализ сущности лучшей, передовой части Ленинского поколения, его интеллект, его интеллигентизм, глубокое преданность делу, профессиональное мастерство, стремление быть полноправным гражданином своего Отечества, участвующим в управлении государством, — то, я хочу приписать Владимиру Ильичу, — вот характерные черты нашего молодого современника. Кредитовать два слова опыта и старости братья, так, что был подписан «Сменой» в 20-е годы.

Иди рядом со своим героем, увлеченным гражданскими делами нашей эпохи, будь не на шаг не отставая от него, будь его соратником, другом, помощником — вот непременная задача нашего журнала, считающего своей обязанностью передавать всякой, но и в первую очередь молодежи, в будущем еще более активной и уважаемой вторично в жизни.

Этого требует время.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 2 [1120]

ЯНВАРЬ

1974

ОБЛОЖКА РАБОТЫ
ВАСИЛИЯ МШИШИА

2

КОММУНИСТ: ГЕРОИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
АВИАКОНСТРУКТОР
О. К. АНТОНОВ.

5

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»:
НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.
ВСЕГДА ВПЕРЕДЬ.

12

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
НА ПРОСТОРАХ АЛТАЯ.

18

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ».
ДОСТОИНСТВО МАСТЕРА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КЛЯТВА.
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕЛЕГАТОВ VI СЪЕЗДА ВЛКСМ

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
КЕРЧЬ — ГОРОД-ГЕРОЙ

НАУКА — ПРОИЗВОДСТВУ.
ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

ТРУДНЫЕ ПОДРОСТКИ.
ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ, РАССКАЗАННАЯ
ЖУРНАЛИСТОМ ЗОРИЕМ ШОХИНЫМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: В. С. Абаши, Г. П. Емисеев, А. П. Кулешов, А. А. Ливанов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Пободоносцев, Р. И. Ромодановский, Е. И. Рабчиню, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Тонкашевский, В. Е. Тонкашевич

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

© «Смена» 1974 г.

СМЕНА 1

25 ОКТЯБРЯ 1930 г. Четыре смены работают в шахте, в забое. Работа физически очень тяжелая. Сильно устаю. Но это не может быть причиной тому, чтобы бешать с рудника. Наоборот, духом не сдаю, сохраняю прежний подъем и твердое решение справлять добрые работы.

Трудно, очень трудно дается уголь. Много сил он берет. Вот почему он и горит так жарко и гудит миллионы. 4 НОЯБРЯ. Приходится делать задания партияшам, партияшам в нашем баране — штуна дефицитная. Мыче первый раз подняли на-гора не только не уставши, но и веселее... Сердце так и рвется куда-то ввысь, и звездочка и месяц, чтобы вместе с ними увидеть грандиозную ширь Союза Советских Республик, охваточенного неизменным энтузиазмом борьбы за социализм. Нам хорошо чувствовать себя беззащитно преданной революцией, видеть себя частичкой великой страны.

29 НОЯБРЯ. Какое великое дело не замечать, не считать часы рабочего времени, не ждать конца смены, а стремиться ее продлить, бегом бежать за вагонеткой, обнимаясь потом и выходя из смены с победителем в выполнении плана! Как растить детей, себя вперед других! Так мы выполняли и перевыполнили план пятилетия в три года. Это следовало обязательно, безоговорочно, без плавиской ром, большевистскими темпами.

Из дневника Героя Советского Союза Владимира Мождцова.

Директору мирового гиганта. Я — удивлен. Мнею премия за хорошую работу. Хотел бы похвалить Магистрину. Прошу Вашего разрешения прибыть на мировой гигант. Стая не пишете, потому что наша бригада уже сылась с Миссины и едет до Вас.

Завлечение комсомольца Ленинского 1941 год.

Все самое хорошее penso от того, что дала, о чем говорила и думала товарищи Ленин. Товарищ Ленин учил нас, что не надо бояться буржуазии ни что в сравнении с нашей. И делал народ (нация), а страна потом излязла новую жизнь (буржуа), страна, нам ин выгодно. А наша революция дала новую жизнь (нация), о которой товарищ Ленин говорил. Хозяйство не допустить жизнь такую, о которой товарищ Ленин говорил. Хозяйство не допустить вела быть! Вот чем сою, потому так просто и излязла наша ин жизнь (буржуа).

Из записной книжки первооткрывателя Комсомольска-на-Амуре Николая Крикуна. 1932 год.

Самые счастливые дни своей жизни считаю 28 сентября 1934 года. В

этот день комсомольская организация завода утвердила мою кандидатуру для поездки на строительство города комич — Комсомольск-на-Амуре.

В. Зинченко, г. Нижни.

...Меня направили в Комсомольск работать по специальности товарищ по металлу. Но тогда мы приехали, город только начинал строиться. Расчищали площадки, морчевали пни, и мне пришлось стать лесником. Трудная это была работа, что и говорить. Это было настоящее испытание, и мы его выдержали.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Алексея Маресьева.

Мужество рождается в борьбе, мужество испытывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям, и девиз нашей молодежи — это настойчивость, это упорство, это преодоление всех препятствия. В нашем труде, в огромном стремлении к победе мы закалили свой характер. И вот тогда придет время испытаний, молодцы Советской страны покажут, что она достойна великого имени Ленина, своего отца и учителя.

Из выступления Николая Осмоломца в IX съезде Комсомола Украины.

...Мама! Скоро грянут бои. Они (фашисты) близко, за рекой. Ты боишься потерять меня? А разве не собираюсь умирать? Нет. Жить хочется в 22 года. Но как хочешь жить, мама! Но жизнь наш злой, а смерть — место, куда не выберать. Драться надо не на жизнь, а на смерть. Моему и придется сложить голову в борьбе, но знай, мама, что если я и погибну, так только героически.

Из письма комсомолки, Героя Советского Союза А. Дерявинской. 1941 год.

Родина моя! Земля русская! Я, сын Ленинского поколения, его воспитанник, дрался с фашистами так, как подсказывала мне совесть. Уничтожил врага, пока в груди моей билось сердце.

Я умираю, но знаю, что мы победим. Врагу не быть в Севастополе! Моряки-черноморцы! Уничтожайте фашистских бытовых собак. Клятву воина я сдержал!

Из письма Алексею Колжонникову. Самые героические защитники Севастополя. 30 декабря 1941 года.

Дорогие товарищи! Любимые наши братья! Самые героические защитники Москвы! Вот уже около двух месяцев фашистские банды рвутся и сердуют на-

шей страны — доброй родной Москве. Не считая нас с нашими товарищами, озерлами. Прост предвзвешенный. Обеспечение под Москвой не торжано не уменьшилась она возросла.

Вперед лицом этой возросшей опасности мы говорили, дорогие друзья, словами великого Кутузова: «Ни шагу назад! Стоять насмерть!»

Из письма 80 тысяч молодых москвичей защитникам Москвы, 30 ноября 1941 года.

Мы, комсомольцы и несомненная молодежь, бойцы и командиры подразделения комиссара Ключевского, за последние дни, ввиду суровых условий жизни Родины Москве, прочитав также письмо, пришедшее от шлем вам своей боевой красноречивый привет и повторям за вами: «Есть стойте на месте».

Враг не пройдёт! Мы его не пропустим. Мы будем бороться до конца и уничтожить фашистских врагов. Вперед мы вносим свои средства на постройку танковой колонны имени Ленинского комсомола.

Ответ комсомольцев и молодежи Москвы Западному фронту Советского Союза молодых москвичей, 11 декабря 1941 года.

Товарищи! Мне 19 лет. Три года я состою в Ленинском комсомоле. Я знаю, что такое райская жизнь, как только позволяю мне силы. Но это не все. Теперь, когда Ленинский комсомолец являюсь вам, представителям нашей партии, что все мол жизнь принадлежат моей Родине. Я не помню, когда себя для дела побоялся над пролитыми кровью. Я опробовал все коверные, и справедливо свое знание коммуниста.

Выступление гвардии младшеполковника Зайцева Героя Советского Союза Сергея Козырева при принятии его в члены партии, 1943 г.

Дорогая мама! Наша часть первой воюющая знамя на рейском поле Берлине. Ты, мама, может, не знаешь, что такое рейский. Это самое ин востанное лого. Берлин не похож на себя. Это груды развалин... Вот так для нас обрывается. Война, мама, закончена. Скоро приеду домой, и зайвлюсь, как ты зашумишь. Пока до свидания, мама.

Михаил Защепин. Май 1945 г.

Наш шахтерский поселок был особенно 10 сентября. Я уже на другой день занялся работой. Пришел на шахту и т... Мы шахтеры начали работать, каждый из нас выла-соченно давал в день до 3 тысяч норматива и выполняет задание на 100 процентов.

Они начинают работать на заре и работают дотемна. У нас не было транспорта, надо было подвозить к шахте километры песка и воды. Мы ни с чем не считались, сами все подвозили. Строим для себя, для своей Родины...

Из письма одного из участников восстановления разрушенного Домбаса, 1945 год.

Каждому из нас не более 25 лет. Мы еще не успели совершить много дел, поднятых в жизни. Мы готовим эти и запасные части для мощных танков, тракторов, которые будут поднимать огромные массовые ценных и земельных земель.

Отец наших и старших братья не жалея сил, создавал мощные индустриальную базу на Украине. Хорошо сражались на фронтах в годы Великой Отечественной войны.

Коммунистическая партия, Родина зовут комсомольцев подняти огромные площади земель и вырастить на них миллионы пудов зерна. Мы просим послать нас в глубинные районы, в любую область или край, где больше дела для комсомола.

Из заявления комсомольцев Кузнецкого цеха в комитет комсомола Челябинского тракторного завода.

Я вступаю в комсомол в году, когда приняла жизнь великого Ленина. Тогда мы, сельские комсомольцы, следую заветам Ленина, доблестно выполняли задания, поднимать культуру села, участвовали в напильники по ликвидации неграмотности, выставляли противу кулачества.

В боевое время наша молодежь получала путевки на учебу, на стройки Комсомольской-на-Урале, Дзержинска Харьковского тракторного. Я трижды просил партию отправить меня на строительство первой пятилетки. Мне отвечали: «Подожди. И в тебе нужны люди». В 1931 году партия об-

ратилась к Лениному комсомолу и взошел с призывом поехать на работу в Домбас. Тогда «Воскресная ночьгра» очень нуждалась в рабочем, тут и я решил поехать. Вышел в лес, в деревню, мы с трудом пролагали протопутье больше, чем вышедшего провоза. Пришлось выложить в помощь на работу, трудности.

Сейчас у меня четверо детей. Двое из них комсомольцы. Старший охватывает ремесленное училище и поедет на очку из комсомол. Об этом я знаю, что не могу уже вместе с ними пойти в комсомол. Принимаю участие в стройках шестой пятилетки.

С. Панисенко, член КПСС, г. Чугуев, 1956 г.

Многие из нас, военных, в том числе и я, скоро будем уходить из армии в мирную жизнь сразу же после службы стать участниками грандиозных стройок шестой пятилетки. И я двое моих друзей непременно поедом на стройку Братской или Красноярской ГЭС.

Трудности это не боимся, потому что в армии научились ими бороться.

В. Ингульнич, комсомолец, военнослужащий, 1956 г.

Нам, молодежи, великий Ленин завещал учредиться. Эти заветы Владимира Ильича стараются выполнять каждому юноши и каждой девушки нашего колхоза.

В прошлом году я окончил трехгодичную среднюю сельскохозяйственную школу, стал агрономом. Виртуоз в родной колхоз уже бригадиром овощеводческой бригады. Мы регулярно выполняем урочную ооцель. И слово свое сдержали!

А. Кочетков, комсомолец бригады колхозников, колхоз «Заря» в Ленинском районе Красноярского района Ленинградской области, 1960 г.

Взл социалистическое обязательство. Норму перевыполнять — так это одна ступенька. Другая — изучать ленинские работы. Мыслины и действия должны быть направлены на производительность труда. Ленинский говорил, что это самое главное и победить общественное строя. Надо искать резервы на работе. Делать. Десяти классов, чувствуя, скоро будет настать резервы на работе. Делать. Десяти знания мужны. Научно-технические и другие. Все это великий реч Ленин на III съезде комсомола. Оно должно послужить основой современным научно-техническим знаниями. Это требование дня.

Николай Панисенко, слесарь завода «Тракторшасси» г. Грозный.

Я буду снова и снова обращаться и работам Ильича и об Ильиче. Понимаю Ленинна душой, сердцем. Я знаю: что не сделано, а делать Ильича и Ильичу — это, по-моему, ежедневно нравственные нравственные планы свою работу, свое отношение и делу, ступеню, с его величайшей ответственностью.

Фелор Гавриленко, слесарь-инструментальщик, комсорг цеха Ростсельмаша, 1972 г.

За три года я успел многое: построил десятки домов, окончил школу, окончил институт, в бригаде до конца строится. С ребятами договорились, что мы не будем думать — не для нас. Будем давать другим.

Из письма комсомольца Валерия Марцианова, строителя КазАбза, 1973 г.

Я часто думаю, что же я сделал свое? Родился в мир не могмо остануть. Чего я в жизни хочу? Быть там, где труднее всего, и но чиил могутина победить слабые стороны. И если бы для дела нашей партии потребовалось мое знание, был бы в два минуты колесный — там меня великого назовом, носчий имя великого.

Сидик Степанов, тракторист, с. Таболин, Сарматского района, Челябинской области.

КОММУНИСТ

Вот несколько строк из шестого номера «Смея» за 1924 год.

«В партию широкой толпой талится коже комсомольцы. Вперед идет Ленинград. Здесь на 10 марта по всем районам еступило в РКП 2843 комсомольца. В Иваново-Вознесенской губернии в жестокых рабочих районах — Шуя, Гаскочеловек. В Екатеринбургской организации комсомола передает 2 500 человек. В Балхашская организация РКП передает в РКП 1 000 человек рабочих комсомольцев». Важно не только передать в партию, важно передать лучших, наиболее выдержанных в партию, важно передать лучших комсомольцев. «Мы в талость партии не будем. Мы μπορούм научиться создавать в партию, важно передать лучших комсомольцев — партийных мюобратниц».

В. А. Нарпниский

«Этот был Ленинский призыв. Призыв особый. Комсомольцы всегда надежный резерв партии. Именно в комсомоле среди лучших бойцов партия новое поколение верных чернил для коммунистическим идеям. Готовя к вступающим в партию все комсомольцы и комсомольцы молодых людей, комсомол всегда призывал: равнение на лучших бойцов, на истинных коммунистов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

Много лет спустя, перед XXIV съездом КПСС на страницах журнала повелась как бы система. Извратя ведение важной темы, превратив читателя злым догост коммунистов нашего времени, как жизнь в чей победой достояния побранижам».

В. Г. Воронцов

Многие лет спустя, перед XXIV съездом КПСС на страницах журнала повелась как бы система. Извратя ведение важной темы, превратив читателя злым догост коммунистов нашего времени, как жизнь в чей победой достояния побранижам».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

В. А. Нарпниский

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

«С первых шагов номер «Смея» на столько подчеркивала эту важную мысль. Рассказом о Ленине, о верных большевиках-ленинцах, о коммунистах разных поколений всегда были одним из веропрочных дел пропантин комсомольцев. В комсомоле не просто рассказам, это были призывы к равнению на образцы, на эти люди человеческой жизни, борьбы за осуществление коммунистических идеалов».

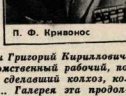
В. Г. Воронцов

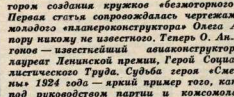
П. Ф. Кривоноз

Ф. К. Салимов

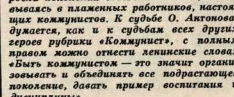
А. А. Алексеев

А. А. Антонов

О. А. Антонов

О. В. Шарунова

...А САМОЛЕТЫ СТРОЯТ НА ЗЕМЛЕ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
фото автора

Такая у Антонова должность, что втиснуть в строгий распорядок самых важных дел еще какое-то дело, не связанные с основной работой, ему просто невозможно. Я убедился в этом, когда в течение пяти лет время от времени вел безуспешные телефонные разговоры о встрече. Он соглашался: поговорить надо. Назначал срок. Потом его переносил. Однажды я даже приехал в Киев и вечером, как условился, пошел к нему. Но он в тот час уже мчался в Москву по какому-то срочному вызову.

Неверное, я поставил бы крест на своей затее, если бы не одно обстоятельство — по журналистским меркам везение первой величины, — которое обнадеживало и заставляло не отступать.

Не знаю почему, но перед воспоминаниями своей собственной молодости все люди в общем-то беззащитны. Стоит только потянуть за эту ниточку...

А ниточка такая была. В конце концов я потянул. И тогда он сказал: — Жду вас завтра ровно в три.

Мы встретились. После приветствия я подал ему пачку фотопроизводной страниц журнала пятидесятилетней давности и сразу понял, что на этот раз времени для разговора будет столько, сколько нужно, хотя он этого не сказал, а сказал совсем другое:

— Недавно посчитал: за 21 год, что работаю в Киеве, пятисот сорок девять раз ездил в командировки в Москву.

Трудно было понять, хочет ли он таким фактом объяснить, отчего мы не могли встретиться до сих пор или просто сообщая его как статистику на жизни генерального авиаконструктора. На всякий случай я рассмотрел цифру с обеих сторон. Получалось, что минимум раз в две недели он должен бывать только в Москве. Но, кроме этих, было множество других поездок по стране и за рубеж. Были еще испытания его самолетов, где ему нужно было присутствовать. Бы-

НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

Вдалеке — теперь уже легендарные — тридцатые годы «Смена» обратила самое пристальное внимание на строительные гиганты первых пятилеток. Очерки, репортажи, статьи, посвященные Днепрогэзу, Магнитке, Курабэю, Комсомольску-на-Амуре, не сошли с журнальных полок. Теперь журнал шифруется на основании Тюменских газонефтефонтанных пространств. Это шифство — сейчас уже многолетнее, имеющее свою традицию — выражено прежде всего в увлеченном внимании редакции к основным проблемам освоения тюменских богатств. Именные весторобраней, бурные скважины, добыча нефти и газа, транспортная сеть ценнейших продуктов с помощью нефти и газопроводов составляли лишь часть дела, хотя и они сами по себе остро проблемны, нерешены, особенно в условиях сибирской зимы, как, например, и северного сибирского лета, когда «вышут» тюменские болота. Итак, сама по себе проблема освоения богатств Тюменской области является нерешенно важными вопросами и не сходит со страниц журнала.

Но производственная часть проблемы — все же лишь часть дела. Освоение нефти и газа вызывает целый ряд сопутствующих, но не менее важных проблем, и редакция систематически освещает их в материалах своих корреспондентов. Проблемы создания поселков газозаготовок и нефтяников, проблемы организации транспортной системы этого края, образования «культурного фронта», жизни и учебы молодежи, социалистического соревнования. В заключение, третья глава девятикнижки, названного партией и народом «Смена» поимена...

ДИРНИ НА САМОТРАХ

лась сконцентрировать свое внимание на тюменском плацдарме воле одной бригады — Виктора Китаева. **Всего одна бригада!** Не слишком ли узко, однозначно, ограниченно? Нет! Первой омы бригады, вытеснившей с починком благодаря новой организации труда обжитое время, досрочно выполнять пятилетку, предостается нам не только делом интересным осеи, не только полезным для других. Это — важнейшее дело, задача дня, месяца, года пятилетия. Не зря же на страницах журнала, как бы отточивающиеся от рубрики «Экспедиция «Смена» — нефтяные реки Сибири», появилась еще одна, уже более широкая: «Пароль: досрочно! Выполнять план каждого дня, каждого месяца, каждого года, всей пятилетки — досрочно!». Опыт одной бригады — бригады бурлящих в самом главном, и самом важном — в своем нравственно-трудовом поведении — стал достоянием других молодых рабочих, предвещающих другие профессии, другие отрасли промышленности.

Итак, Виктор Китаев и его бригада, молодые люди, чей почин был одобрен ЦК ВЛКСМ, те, кто вступили на страницы «Смены» с письмом, призывающим всех молодых рабочих досрочно выполнять задачу девятикнижки, превратят свой труд в ежедневный погоню. Мы продолжали анализ жизни, нравственно-микроанализ этой бригады, ее трудовую историю: ведь именно из отдельных личностей складывается коллектив, а из усилий этих личностей — трудовая победа. «Экспедиция «Смена» — нефтяные реки Сибири» экспедиция в гущу молодежной жизни продолжается...

СНАГДА ВЕРЬТЕ

Юрий КАЛЕЩУК, Альберт ЛЕХМУС (фото), специальные корреспонденты «Смены»

— Тогда еще не то было, — сказал Вавилин.
 — В 69-м?
 — Ну.
 Они только что приехали и переоделись в клуббуке, готовясь к работе. Юсупов, правда, уже был одет, он всегда одевался по-военному быстро, но Кыльдеев таранил глаза на Вавилина и никак не мог попасть ногой в сапог. Вышло холодно, котельная еще не работала, а ветер прошивал вагончик насквозь.
 — Мы раз недалеко не могли вытку дождаться, — продолжал Вавилин. — Все продукты извезли, клюку окрест вывели подчистую. А вертолет не летит. И тогда Заки Ахмадзини...
 — Это какой Ахмадзини? Начальник ПТО, что ли?
 — Ну.
 — Разве он был здесь тогда?
 — Ахмадзини? Он всегда был.
 — А ты, Саня, тоже всегда был?
 — И я всегда, — сказал Вавилин серьезно.
 Юсупов не рад был, что подтрунивал. Не в том дело, что Вавилин на пять лет старше, он на четыре года раньше сюда приехал. Так-то. Четыре года — это вообще много, для Самотраха — очень много. Все уже было одес, вот в чем дело.
 — ...Завез Ахмадзини на вышку, комманды ватки, карту. Маршрут намечали, как до Ватковска добраться. Пошли по маршруту, потом без маршрута. Ледок уже кое-где был, так от

него один треск стоял. По колено, по пояс, по грудь пошел в этой каше.
 — И долго шли?
 — В час дня обнаружили, а в шесть утра я уже домой стучал. Жена не открывает, не верит, что зима, — вертается же не было. Ну, я протро распрямил: открыл, говорю, — вроде бы громко говорю, а сам себя еле слышу. Открылся. Радеваевы — все хрустит, штаны в угол бросил — стоят. Потом подтащали, осеи. А меня колотун трасет.
 — Надо было принять...
 — Ну! — воскликнул Вавилин с такой неподдельной обидой, что все расхохотался. Даже Геч, который стоял, уткинувшись в геологический парад, и до сих пор не проинял ни слова.
 Не нравился ему этот парад. Тащичья свита ему не нравилась.
 — Так-то лучше, — сказал Вавилин и хитрово ухмыльнулся. — А то закисли вы совсем.
 — Ты кого? — сердито спросил Юсупов у Кыльдеева.
 — Готов.
 Дверь вынул из них из рук, как камень на пращи. Закрывали вдвоем, навалившись всем телом.
 — Напрямую мы на газок, Саня, — прошептал Геч, словно боялся, что Юсупов с Кыльдеевым могут его услышать. — Непременно непременно.

— Да что ты, Пальч.
 Точно говорю. Ты только погляди, что там творится в тащичьей свите.
 — А-а... Зададим раствором.
 — Зададим... Или он тебе задант. После летней авиры, после столичных потерянных метров нельзя нам снова срываться. Иначе всему каюк.
 — И что же ты хочешь?
 — Другой бы куст... Отработанный, отлаженный. Чтбй и нам хорошо и Китаеву спокойной.
 — Нужно ему спокойствие?
 — Спокойствие всем нужно, Саня.
 Юсупов и Кыльдеев готовили ствол для квадрата. Кыльдеев вырезал газорезной аккурративе треугольники на конце трубы, Юсупов забил теплые стальные лепестки кувадлой. Они привлекли друг к другу, но были не похожи: Юсупов, с резко очерченными лицом, резкими движениями и резкими словами, и Кыльдеев, тихий, художавый, с глубоко посаженными грустными глазами. Работалось им вместе легко и скоро.
 — Пешкует старикан, — сказал Юсупов. Гечу спорно шест лет, но Юсупов с безмятежной неустойкой молодости и впервые думал о бурдлинце как о старике. — Иначе, вот начнем бурить...
 — Все же так купол, Рома, — примирительно сказал Кыльдеев.

**ЗАДУМАЛСЯ ВИКТОР
КИТАЕВ: КАК ПОВЕ-
ДУТ ДЕЛА НА ЭКСПЕ-
РИМЕНТАЛЬНОЙ БУ-
РОВОЙ?**

**РАБОТА, РАБОТА, РА-
БОТА — ТАКОВ РИТМ
КОМСОМОЛЬСКО-МО-
ЛОДЕЖНОЙ ВРИГА-
ДЫ.**

— Ну, и хорошо, что купил. Никто здесь до нас не бурил. Ты понял, Рашид?

— Жалко, что Сужорук и Метрусенко в отпуске.

— Жалко. Но тем больше мы должны взять на себя.

Бегер, никогда не унимавшийся над озером, основательно трепал экспериментальную буровую. Вдрагивал под ногами экспериментальный остров. И даже экспериментальная дорога, перерезавшая озеро, казалось, покачивалась в темно-бурых волнах.

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ.

— Скоро Макариев придет, — сказал Геч. — У нас все должно быть готово.

Технолог Макариев и Китаев ехали на буровую вместе, на макиревском красно-желтом злитаве.

Китаев недавно вернулся из отпуска, и возвращение было невольным: об июльской аварии и последовавших за нею событиях он уже знал, но и первые дни после возвращения были небогаты на радостные известия. На 45-м кусту было много мелких неполадок, как всегда, мотали душу перебор с электроэнергией; в 87-й, озерный куст, новенький, с игольчико, никак не удавалось вдохнуть жемол. Но сегодня, кажется, Китаеву хотелось верить в то — все должно пойти по-другому, по-новому.

Макариев, знавший Китаева на первый день и достаточно верно представлявший его состояние, сочувственно спросил:

— Не рад ты, Васильич, озерному кусту?

— Отчего же? Рад... Но, конечно...

— Чему же рад?

— Тому, что второй куст есть. Тому, что боенка до самой буровой. Тому, что начинаем новое дело...

— Радости здесь немного...

— Что мне тебе объяснять? Конечно, будет тяжело. Бурить на утилизированных роторах, практически без передышки трудно. И люди устают от постоянного напряжения, и скорости не те, и быстрый износ инструмента. Отсюда более частые спуско-подъемные операции — снова испытание для человеческих сил и выно-

сания, снова потеря времени. Что еще? Насосы, ратушески, будут жететь со страшной силой, намается Саян Вавилин с ними, это уж точно. И все-таки, Витя, я рад. Забуримся сейчас, все пойдет как надо. Не может быть, чтобы так долго не везло.

— А чья вахта у тебя сейчас на озерном? — Геча. Евгений Павлович — мужик острожный, дотошный. Хороший бурильщик, опытный. А вахта у него молодая. Рома Юсупов был едник, славный парень, Рашид Кыльдеу... Знаешь, однажды у меня не хватало людей в подготовительной вахте и я попросил на день два четырех человек из озерника. А к ним Рашида направил, чтоб хозяйским взглядом посмотрел. Ну, навел он на них шорох!

— Глади, а так и не подумаешь.

— Я тоже удивился. И ты знаешь, Витя, происходит странное смещение акцентов. Поначалу в бригаде той задавали только вес — Сухо-руков, Метрусенко. Обои и перекарвали, хотя мастера ты ни у того, ни у другого не отнимешь. Но сейчас на первый план молодые стали выходить.

— Хорошо бы с набором кривизны все обошлось сегодня.

— Хорошо бы...

Оба замолчали.

Перед буровиком на озерную дорогу их обогнала стремительная легковая машина.

Легковая машина влетела на остров и круго развернулась, взметая песчаные волны. Разом

распахнулись все четыре двери, и выскочило из «Жигулей» человек восемь. Последний, уже медленным, с достоинством, вышедшая девушка в длинном белом платье.

— Глади, известал! — сказала Кыльдеу.

— Сегодня же суббота, — сказал Юсупов. — И и заблал.

По субботам в Нижневартовске играют свадьбы. А что — город молодой, ратушник. По субботам молодожены отправляются в свадебное путешествие, на Самолет. А что — есть бетонная дорога длиной в сорок с чем-то километров, значит, надо по ней едтить. Не только на вахту.

Ивеста все еще стояла у машины. Чья-то рожки — то ли жемол, то ли жемолы — попытался накупить ей на плечи наливо, но жемол так зыркнул на них, что родственники вблизи не стало. Знакомый паренек, вроде бы из вышкарей.

А жемол ивеста поднялась по гулающему трапу на вышку, молча обогнала вокруг ротора. Вахта тоже смотрела на них молча.

Вавилин появился из насосной, когда «Жигулей» и уезд протыли.

— Кто прискавал? — спросил он, вытирая распаренное лицо.

— Свадьба.

Вавилин присиснул.

— Ну вот. Мы еще ни одного метра не дали, а уже стали местной достопримечательностью.

— Это они к тебе приезжали, Саян. Жемол хотел послушать, как ты с буровойнешком шел семидеять часов, а жемла тебе домой не пускала.

— Я ему еще не то рассказав.

— Как дела, Саян? — спросил Китаев. Макариев уже подогнал свой злитак к мосткам.

— Нормально. Все собрал, разобрал и опять собрал.

— Таких занятий на каждый день теперь хватат.

— Знаю, Васильич. Китаев поднялся на буровую. Третьяк, трещал под ветром экспериментальный пластик бурурчаты. Одну палець выверло с мясом, и она долго лезла над жемолом, пока очередной порыв не швырнул ее в озеро.

— Начем, Евгений Павлович? — сказал Китаев.

— Начем, — сказал Геча. И вздохнул.

— Начинял! — закричал Юсупов командирским голосом.

И тут пошел снег. Вы не поверите, какой это был снег. Я бы тоже не поверил, если бы не видел его.

Нелетный сентябрьский снег, крупный, глянучий и бесконечный. И сразу окружало от глав озеро, и дорога над озером, и остров на озере, и буровая вышка на острове. Только огни на вышке были видны слабо, расплывчатого; они плавали или зтекли в том, что не было небом, не было водой, не было землей, они плавали, сблизжались и расходились, и как будто отыскивали друг друга...

Когда заряд прошел и я вновь увидел вышку, очертания ее не переменились, но она казалась, она была иной.

Она жила.

Ступили насосы, трещетал буровой планг, все ниже и ниже опускался квадрат, подталкивая турбобур в неведомые глубины, под дно озера, под купол месторождения.

Все было так уже тысячи раз, и все-таки было впервые.

Р. С. Вновь я приехал на остров 30 ноября, в последний день предпоследнего месяца 1973 года. Озеро было подо льдом, лед был под снегом, и остров был тоже под снегом. Стоит ли говорить о том, что ветры не утихли, никогда они не утихали здесь, над островом...

Бригада заканчивала четвертую скважину, в четвертый раз провалившись сквозь коварную тающую сыту, сквозь сеноман, пробурив с начала года уже 67 с половиной тысяч метров. Только что сменилась вахта, Федор Метрусенко шагал на вышку спокойно, размеренно.

Все шло нормально. — Теперь-то семидесят тысяч — дело реальное, успеете вымотать обязательства...

— Ага. Еще три тысячи сверху клади — возмем.

Р. П. С. А бригада Геннадия Михайловича Лелина в этот день вышлолила пихайлетку.

Литература и комсомол

Каждый раз, открывая новую книжку журнала, читатель ищет новый рассказ, продолжение острожной повести, стихи. Без произведений литературы не выходит ни один номер журнала, и это вполне естественно: ведь «Смена» — издание и литературно-художественное и общественно-политическое. В богатом арсенале средств воспитания комсомола литература всегда была одним из самых боевых и действенных орудий. ЦК ВЛКСМ требовал от «Смены» — с первых номеров — широко привлечь к участию ее созданий журналов как прославленных писателей, так и молодых, начинающих литераторов. Журнал писал тогда: «Страницы стихов и рассказы начинающих комсомольских писателей, а также беспартийных ребят будет регулярно помещаться в «Смене». С тех пор это сочетание — крупные имена в союзе с дебютами — является основополагающим в литературной политике журнала. В минувшем году немаловажной составной частью фестиваля советской молодежи стал поэтический фестиваль «Смена», где выступили в основном молодые поэты пятнадцати братских республик. Широко представляли участники V Всесоюзного совещания молодых писателей, организованного ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей СССР, причем своим первейшим долгом здесь «Смена» полагает неоднократно публикуемую произведения молодых писателей, проявляя к авторам пристальный и постоянный интерес, стараясь влиять на их творчество, посылки их в творческие командировки — на стройки, заводы и фабрики.

Итак, перечислим лишь часть публикаций. Одна из самых первых — рассказ молодого писателя Михаила Шолохова «Колодець», острожно, ярко произведение, повествующее о гибели отца и старшего сына Крайского, которые стали на сторону революции, от руки белогвардейца — младшего сына и брата Михаила. Драматический конфликт, предвосхищенный суровой правдой революции. Михаил Александрович Шолохов! Кому же

известно это имя — имя подлинного мастера слова, лауреата Ленинской и Нобелевской премий, Героя Социалистического Труда, академика! «Смена» семидесяты годов по праву гордится этой давней публикацией.

А Толстой, А. Новиков-Прибой, И. Эренбург, А. Жаров, И. Тихонов, И. Асеев, И. Мольчанов, Э. Баргунский, С. Михалков, Г. Марков, Ю. Бондарев, В. Коженин, С. Сартанов, Э. Межелайтис, Р. Файли... Впрочем, перечисление писателей разных поколений, принимавших участие в работе литературного отдела «Смены», может занять не одну страницу, но и оно не будет претендовать на полноту. В «Смене» сотрудничали, в сущности, едва ли не все крупные мастера слова, начиная своим долгом отдавать в молодежный журнал, а журнал Ленинского комсомола свои лучшие вещи. В «Смене» сотрудничали и Владимир Маяковский.

В № 11 за 1925 год было опубликовано классическое ныне его стихотворение «Вымолкайте будущее. Помните!

«Будущее
если не придет само,

не придет мер.
За жабры его,— комсомол!
За хвост его,— пионер!»

Строки эти звучат актуально и теперь, в дни, когда по-новому, в новой, более современной форме практически выносятся те же задачи, о которых писал поэт. Будущее принадлежит только трудом рабочих, крестьян, интеллигенции, трудом советской молодежи. А советская литература, как всегда, идет вместе с народом.

Фазиль Искандер.
«Под сенью замкалпота»

Юрий Трифонов.
«Возвращение Игоря»

Юрий Нагибин.
«Среди профессионалов»

Валерий Алексеев.
«Ненто Петров»

Василий Аксенов.
«Миллион разлуки»

СЕМЕН-ПОЛОСАТЫЙ

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

Пидите, спросите: кто за собак? И сразу поднимется лес кур. А за кошке всего две-три руки. Может, пять. Кто любит кошке? Девчонки да старички пенсионеры. Кроме тех, которые вообще никого не любят. Кто может кошке? Любить мышку. Только мышку перелески, не заводятся в наших домах. Лебедки они, эти кошки. Бродят чердачке. Разорительницы птичьих гнезд. Кто бы еще вспомнил о них? Царяпини на руках и мерзкий запах на лестнице...

Давайте, давайте вспомните! А Ленка будет вспоминать свое. Оно будет вспоминать тундру плоскую, бескрайнюю. Чахлые деревья. Мохгель, ягду моршуху. Угрожающее звенящее обранко комаров. Солнце — светлое, расплывчатое, словно налитое на блюдце. Странное солнце, непохожее на московское или воронежское. Не заходит все лето. Сползает по небу к земле и вдруг останавливается, замирает и начинает подниматься, а потом снова скатывается.

Эту тундру зовут «большеземельской». А гда — «малоземельская». Ленка не знает. Идешь по тундре, и шаги пружинят от глыб, и карликовые березки здавают за

коленки, даже если ты маленького роста. И еще в тундре буровые вышки. Издалека вышка похожа на ракету, застывшую на старте. И Ленке всегда казалось, что вот-вот сверкнет пламя, раздастся грохот и вышка-ракета устремится в небо. И опустится где-то на Луну. И вместе с буровой полетит и опустится на Луну кот — Семен-полосатый. Потому что без него здесь, в тундре, не проходит ни одно событие. Даже полет на Луну.

Говорят, природа натунала. Семен-полосатый должен был бы родиться собакой. Он бы мог быть и голубым волком, и лисой, и тигром. Какое это имеет значение! Для Ленки он был тем, чем надо, — настоящим другом.

Ленка вспоминает Семена-полосатого, и ее сердце сжимается от смутной боли. Сколько Ленка будет жить, никогда не простит себе, что оставила его в тундре: в доме-вагончике. Возле этого дома нет ни сада, ни пруда, ни забора, ни заборчика с калиткой. Ни сараяшки со всяким барахлом. Он, как избушка на курьих ножках, без фундамента. Вместо фундамента — сань-волочилки. Куда переезжает буровая Антона, туда и катит домик на собственных санях. Трактор поддевает два-три таких домика — и поехала деревня. Только станки позвякивают в бубфете и лампа

Рисунок Владимира АРОНИНА

раскачивается, как маятник, но горит, потому что, когда дом движется, силовая сеть отключена. Света временно нет.

В этом доме и остался Семен-полосатый. Сидит на ступеньке и смотрит в небо: ждет вертолета, который прилетит Ленку обратно. Но верит, что Ленка уехала несовсем, в город, и интернет. Он даже не знает, что существуют города. Думает, что весь мир — это тундра с буровыми. Буровая Никитрозова, буровая Еремина, буровая Самсонова. Когда Ленка была совсем маленькой, она сама так думала.

Ленка вспоминает о своем друге, но только когда спрашивают: «Кто за собак?» — а самым неожиданным образом. Когда, например, учительница рассказывает про какого-нибудь великого человека: «Он родился и вырос...» — Ленка тут же повторяет про себя: «Семен-полосатый родился и вырос в тундре...» И дальше она уже не слушает учительницу, а вспоминает...

Семен-полосатый не был похож на обычных котов, хотя сам он был что ни на есть беспородный: ни сибирский, ни ангорский, ни сиамский. У него были вальные бока, на которых чернели, словно нарисованные углем, полосы. Как у тигра. Только шкура у тигра цвета апельсиновой корки, а у Лениного kota шкура серая, злистая, пасмурная. И не хватает у kota одного уха. И выходит — он инвалид одной руки. У Семена-полосатого зеленые крыжовниковые глаза с черной сердцевинкой. Когда глаза разгоразовы, черная сердцевинка вырастает, и зеленого цвета становится совсем мало. И тут в кошачьих глазах появляется такое синеватое и такая жажда приключений, что, глядя на него, начинаешь чувствовать, как весь этот сумбур передается, тебя подымает вынуть какое-нибудь колечко. Например, согнать к озеру и побегать по мелководью, чтобы ноги горели, как обожженные.

Озеро возле буровой большое, но мелкое. За это его прозвали лужей. Но однажды на озеро опустился лебедь. Ленка, хорошо помнит этот день. Солнце стояло над горизонтом и почему-то было не бесцветным, а малиновым. В лучах солнца лебедь тоже стала малиновой. Они плыли медленно и величественно. За каждой глоткой на воде появлялись морщины в виде клычков, и Ленке захотелось броситься в воду и поплыть рядом с лебедями, чтобы рассмотреть их поближе. И вдруг один лебедь вскрикнул, забился, стал рваться вверх, но какая-то невидимая сила удерживала его, как искор. Вся стая поднялась, стала кружить над лужей в беду товарищам. А он, собрав все силы, рванулся, и тут Ленка и Семен-полосатый

увидели мерзкую шарью голову. Рыбичка откусила лебедю лагу и, как бревно, плюнула в воду. И оттого, что эта зубастка совершила такую неистость, озеро сразу превратилось в лужу.

И солнце стало бесцветным. А раненый лебедь долго кричал, улетая со своими товарищами.

Ленка заплакала. Кот заскулил. В отлеме от других представителей кошачьего рода он не умел ни мяукать, ни мурлыкать. Голос у него — северного жителя — был чужим, простуженный и сильный. Ленка и кот переглянулись и молча решили отомстить щуке, которая была единственной хозяйкой озеро, жила здесь много лет, и на буровой ее звали Старая Карга.

Давайте, давайте, поднимайте руки за собак! Собак все хорошие люди понимают и любят. Собак любить не мудро. Попробуйте поднять руку за kota! За Kota Котовича, за Семена Петровича... Но для этого надо знать хорошо Семена-полосатого. И не просто знать, но и пожить с ним рядом под крышей маленького домика на санях-волокушах в огромной «большеземельской» тундре, где над головой деном и ночью ровное, бесцветное солнце, которое горой скрывается за комарами, как за тучей. За вонючей тучей, которая жадит всех и вся.

У Лени и Семена-полосатого было два общих врага: щука Старая Карга и дикий лес с буровой Самсонова — Кокоба. И друзья одолели обоих врагов. Одолели в бою, где нужна была не столько богатейшая сила — откуда у Лени и kota был богатейший смел! — сколько смелость и сморков. И горячее желание победить. Ленка раздобыла нечто вроде остроги, и они ежедневно отправлялись с Семеном-полосатым на озеро, чтобы дать бой щуке. Ленка далеко заходила в воду и все пристраивалась, присмирялась. Кот, осмелев, шел за ней с тайной надеждой запустить свои когти, похожие на рыболовные крючки, в спину Старой Карги. Ведь все коты в душе рыболовы.

Однажды Ленка водрузила от рева kota. Да, да, это было не мяуканье, не стон, а настоящий рев. Ленка кинулась к другу, и тут мимо нее прошагивала щука, отстранился рева. Когда же девочка очутилась рядом с другом, то увидела, что у Семена-полосатого не хватало одного уха. Острые щучьи зубы отхватили его.

Вы думаете, друзья бросили свою затею? Никуда! Они стали только более осторожными. Потому что щука, проглотив ухо, наверняка дала себе слово

проглотит всего кота. Кот понимал это и уже близко к воде не подходил. Сидел за ней с бочком. Однажды он заметил, что Старая Карга запылила в маленькую ванну сфинктериванную сверху узкой протоккой. Кот поддал сигнал Ленке.

— Эх, шкура, шкура! Кто же ты, Старая Карга, совершила такую оплошность! Не шла на приманку, не подставляла спину под острую, а тут сама запылила в ловашку. У Ленки приналас соорудила плотину. Она таксала тупыми лапами и когтями, а Семён-полосатый бегом к борю. У него мысленно потопал лапкой. Когда шкура решила лечь в воду, она не в воду оказалась стена. Она заметалась, как подводящая лодка, запертая в узком флюиде протоподводящих минами. Погurgжалась на дно. Выплывала.

Она заплыла жизнью за оторванную лопу малинового лебеда и за отшнуеную утку. У неё было много. Но у друзей оставался ещё один жар. Полюсанен Старой Карги. Дизелент Кобока.

Он приехал на буровую на таракшающем мотоцикле, который пригнал по кожаным как конек-горбунку. Кобока был маленьким, черным, болыширким, с множествами поперечных торбинок на лбу. От него пахло бензином, дизельным маслом и куревом. Он ставил свой мотоцикл на бензиновый домиком, одергивал кургузый пиджачок с короткими рукавами и ступал в дверь. Он приехал к Лениной матери. Но гостем был нежеланным. И после его приезда Ленинка мать несколько дней ходила муравья, неуравновешенно, и блуды сами вываливались, у неё воняло. Ленинка и Семён-полосатый не любил его за железный запах, за нечеловечески большие руки, за голос, за кургузый пиджачок—за всё! Несколькo раз Ленка подслушивала разговор, который происходил между ее матерью и Кобоккой. Разговор был одним и тем же.

— Давай жить вместе, —говорил Кобока и тянул кизу свои рукава, сплотно хвател сдвиг их длиннее.

— Не хочи! —коротко ответила Ленинка мать.

— Тебе неважно одной. В тумдре, с дочерью на руках.

— Не хочу зобата!

— Не могу я без тебя, Алвентина!

— А что тебе не люблю!

Вот и весь сказ. Но Кобока не соглашался с этим сказом. Он долго качался, обещал, угваровал. Его глухойговой голос звучал монотонно и сучко. Кончалось дело тем, что мать выговела.

— Она так равно любимо тебе! —говорил Кобока, сжимая руки в кулаки, и уходил.

По пути он враждебно смотрел на Ленку, а Семён-полосатый норовил дать пинка. Слово об они были виновниками его неудач. Затем вскакивал на своего коника-горбунка и мчался прочь. Семён-полосатый выгибал спину верблюдом и шипел ему вслэд. А Ленка показывала незваному гостю язык.

Ленкина мать Алвентина работала в бригаде Антонова коллктором. Она собирала керны—пробы грунта. Женщиной она была молчаливой и необщительной. Здравствуйте —до свиданья. Сперва в бригаде поминалась над ней. Потом махали рукой. Раз такти молчаливая, пусть молчит на саночках. Он мал, и вся его утварь состояла из двух коек, стола, табуреток и бубрета. Бубрет был ненастоящий, его скотилили из швихок от оборудования. Висел бурет на стене.

Ещё Ленка вспоминает императора Наполеона. Его фото висело над маленькой кроваткой. Император—французский царь—был в странной шапке, похожей на трубу. Он и в шапке походил на Кобока. Ни у кого в бригаде Антонова не было таких длинных пиджачков и такой шляпы. Иногда мамка вдруг начинала рассказывать Ленке про Наполеона. Он служил матросом на траулере, ходил в Атлантику и в Сафедю. Однажды траулер не вернулся. Потонул вместе с Наполеоном. И сафедю, а Наполеона изображал в клубе в спектакле. И был он Лениным отцом.

Ленка редко думает об отце и представляет его в шилле-треугольнике, в длинном пиджаке. Как-то в интернете ее спросили:

— Кто твой отец?

— Кто мой отец? —ответила девочка.—Но звали его Костей...

Больше свои Семён-полосатый любил сучонку. Любил ее больше свежей рыбы и больше жесткой, пахучей колбасы, которую иногда привозили на буровую... Была у него сладкая мечта: кто раз в жизни съест целую банку сучонки. И надо же было так случиться, что его мечта сбылась. Совершенно неожиданно, как и предполагалось мечтам.

Шел обычный рабочий день. В стороне той буровой таракшел дивнок. Мирно работал бурный станок. Либлил раствор, густой, похожий на кофе с молоком. Вращалась колонна труб. Буряжились же сидели в стороне: мастер Антонов трубным голосом читал в газету, Семён-полосатый лежал на своем излюбленном кресле на теплом коврике мотора. Иногда он приоткрывал один глаз. И снова закрывал его, как бы гасил зеленую лампочку. И вдруг случилось нечто такое. Катра Семён-полосатый вскоач со своего места и заорал так, словно Старая Карга откусила ему второе ухо. Перед носом кота, в жидкой луже, в стороне буровой, пахло газом, пахло бензином, пахло керосином. Кот не видел пожара. Но когда пузырь громко погнул и в нос ударил едкий запах газа, кот вскоачил и заорал. Не от страха заорал, а от неожиданности.

Антонен преврал чтение газеты и посмотрел в сторону буровой.

— Что это Семён орет близам мотора? Ну, кто-то сбегал, покурить!

Саме легко посмотрел на ноги и побежал к буровой. А через мгновение сам закричал погромче кота:

— Ребята, газ! Ура! Остановившая машина!

Все кинулись к буровой. Остановили станок. Все запрыгали от радости, лаяоскак как надвинулся и полился газовые пузыри. И все кричали:

— А ведь если бы не Семён-полосатый, мы бы прозевали газ,—сказал седой Дизелент Письменный.—Присыни бы газовый горизонт. И точка.

Все с удивлением посмотрели на Семён-полосатого. А тот как ни в чем не бывало смотрел на колесо и мысленно похлопывал себя по плечу.

— Занеситесь! Семён-полосатого в бригаду!—радостно пошутил Саян и поглядил кота по спине.—Мужик он отстой!

— Послушай, Алвентина,—обратился Антонов к Лениной матери,—что твой кот любит больше всего?

— Что любит больше всего, известное дело.

— Выдать ему банку сучонки!—распорядился бригадир.—Примировать кота за службу!

— Вы, небось, думаете, что только собак награждают за службу, за помощь, за отмену. Думайте и о людях, и о животных, и о птицах, и о рыбе.

— А вы, небось, думаете, что только собак награждают за службу, за помощь, за отмену. Думайте и о людях, и о животных, и о птицах, и о рыбе.

— А вы, небось, думаете, что только собак награждают за службу, за помощь, за отмену. Думайте и о людях, и о животных, и о птицах, и о рыбе.

Так думала Ленка, разглядывая маленькие колесные звезды. А когда неожиданно вспыхнуло северное сияние. Ленке казалось, что солнце пошло на штурм черного котика и прорвалось лучи зажглись в небе цветастой бахромой.

Ленка спала на своей узенькой, скрипящей койке. А Семён-полосатый спал у нее в ногах, на одеяле.

— Не пуски кота на одеяло,—говорила мать Ленке.

— Ладно,—отвчалась лена.

А вот в это время сидел под кроваткой и ждал, когда погаснет свет. Тогда он тихо прыгал на кроватку и замирал. Ленка спала, словно на ней выпал снег и лучи солнца не могли ее согреть.

Ленка и ее кот никогда не болели, никогда не скулили. Что впа Ленка—доставало и коту. Даже к голеним ногам пристраивался.

Восходила луна, и зимний день становился светлым. Луна была ровной, сплотно отражалась на не безжизненных плунках кибки, а от своего же света. Вот в такой день к Лениному домику тихо подкатили собачьи упряжки. Собаки улеглись на снег и отдохнули. От них шел жар. Снаруч поднялся человек, одетый в догопный свомк из оленьего меха. Он кинул собакам валенной рабы, чтобы они не брехали, и стал чего-то вывадить.

Когда Ленинка мать вышла из дома, человек в свомке преградил ей дорогу и сказал:

— Алвентина, я за тобой.

— Никуда я не поеду и то тебе, Кобока,—ответила Ленинка мать.

Но Кобока стоял на ее пути.

— Нет, не уходи,—твердо сказал он и шагнул к Лениной матери.—Я люблю...

— Пусты!—Она оттолкнула Кобоку двумя руками.

Но тут из рукавов свомки высунулись две длинные лапастые руки и схватили Ленинку мать. Она только успевала крикнуть:

— Ленка! Кобока!

А от нее не ве к себе соачной упряжке. Она билась в его руках, как пойманная рыба. Но дизелент из бригады Самсонова был сильным и упрямым.

— Ленка! Ко...

Он закрил ей рот. Положил ее на нары и стал привязывать веревкой. Ленинка стояла в это время. Выбежала на улицу. Семён-полосатый за ней. Ветер разслапнул незастегнутую кулянку, пылы жалобно закрители по мерзлону снегу. Кот первым добежал до угла дома и, выгнув спину верблюдом, зашипел, Ленка кинулась за котом и увидела собаку. И увидела Кобоку, который-то привязывал к нарам.

— Пусты, подним!

Ленка узнала голос матери. Ей хотелось закричать, но она поняла, что крик не долетит до буровой. Тогда она отчаянно кинулась на врага и изо всех сил стала колотить его своими маленькими кулачками по спине. Но олений шухи задела позитителя от удара.

Ленка и Кобока оттолкнули Ленку. Кот заревел. Собака заволновалась в бескрайнюю тундру и прыгнула.

И тут Ленка посмотрела на Семён-полосатого, а Семён-полосатый посмотрел на Ленку. И они поняли друг друга. Девочка схватила кота в охапку, обжала вокруг него и встала в его ноги. Семён-полосатый встал на колени, обжал ее как ужаленные. Кот сделал прыжок. Вожак рванулся за котом. Кот свернул занемно глазами с черной шерстяной и побежал. И все упряжки помчались за ним. Напрямую Кобока размазывал хвостом, бежал сады, кричал дурным голосом. Собака унесла Ленинку мать от ненавистного Кобока. А Ленка стояла на месте, и слезинки замерзали у нее на щеках.

Будь Семён-полосатый трусом, он бы забился под дом, и ни одна собака не достала бы его. Будь он глупым, побежал бы в тундру и там в конце концов попался бы на собачьи клыки. Но он был упрямым и смелым. Он побежал к буровой, которая, как ракета в небе, полыхала в сторону буровой. Кот заревел. Собака заволновалась в бескрайнюю тундру и прыгнула.

Такая Семён-полосатый добежал до шухи, вскоачил на станок и повернулся лицом к своим врагам. Он вынул спину, но не зашипел, а издал какой-то отчаянный жалобный рык и прижался к теплору, родному коврику мотора.

Собаки остановились, яростно залаяли. А кот в своем убежище молча ворочал глазищами.

— Эй, ребята, откуда это Семён привел пустую упряжку?—закричал Саян, в ватнике и шапке-ушанке, завлазавший под подбородком.

— Там кто-то есть,—отозвался другой рабочий.

— Да это ж наша Алвентина. Привезла!

Бригада окружила нары.

— Кто это?—спросил Антонов, разрезая веревку большим ножом.

Ленкина мать молчала. Она все еще не могла прийти в себя. Ее подняли, поставили на ноги. Собаки ответили в сторону.

— Но, но, Алвентина, все же в порядке. Держись. Ты же со своим,—ушел ее мастер.

— Со своим! —пролетела Ленинка мать и вдруг крикнула в плечи Антонова и залпала.

— А ты похлывалев по спине и говорил!

— Ладно, ладно тебе. А не работа ли это Кобоки?

— Кобока,—прошптала женщина.—Он хотел меня увести... окаянный!

Антонов грозно отщавился и крикнул:

— Навти Кобоку и сюда его!

Через пять минут привели разбойника. Двое здоровых ребят держали его за руки. Шанка на нем не было—потерялся в борье. Не хотел Кобока идти на суд в бригаду.

— Вот кто это, пират недостойный!—сказал Антонов, отщавившаяся, и положил свою тяжеленную руку на плечо позитителя,—был бы ты из другой бригады, мы бы посчитали твои косточки. Но, на твою счастье, мы соревнуемся с Самсоновыми. Будем подводить итоги, твои приломы,—к недопустимой своей бригаде. А теперь, ступай, вернись, матысь ко всем чертям! Еще раз увидим в нашей деревне—леный на соба.

— Я же люблю его,—сказал Кобока, тяжело отпуская на нары. Он прикрикнул на собаку и учался вояоском.

— В этот день верный Семён-полосатый получил вторую банку сучонки. Но съел только половину, так как не было в этот день поро, которого не смог дорест лакомство, и была не была!—забрался к Ленке на койку и уснул.

Так Ленка и Семён-полосатый в четном бое победили двух своих врагов.

Голосуйте, голосуйте за собаку. Поднимайте руки. И я тоже подниму руку, за... Котовича, за Семён Петровича и за весь его славный и удивительный род.

Красота родной земли

Воспитание советского патриотизма «Смена» полагает одним из своих важнейших дел. Одной из составных частей этого воспитания можно считать раздел «Красота родной земли», который уже несколько лет систематически появляется на журнальных страницах.

Фотокорреспонденты «Смены» вместе с писателями и публицистами каждый раз, рассказывая о том или ином уголке необъятной нашей Родины, как бы приглашают читателя к очередному увлекательному путешествию. Действительно, далеко не каждый может побывать в разных республиках, увидеть места примечательные и дорогие.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

ПРЕОБРАЩЕНИЕ

«Смена» же помогает читателю в один год увидеть много важного, необходимого, помогает привить читателю чувство гордости за свою Родину, чувство красоты. Но это не просто эстетическое путешествие. Каждый, пожалуй, помнит слова из популярной песни, в которой поется о том, с чего начинается Родина. Среди ответов на этот вопрос есть и такие слова: «С той самой березки, что во поле, Склоняясь от ветра, растет».

Да, Родина начинается и с березки, которая растет во поле рядом с селом твоим, с отчего порога, с дома, в котором ты вырос. Родина наша необъятна — об этом и повествуют материалы раздела, судя по письмам, любимого читателями «Смены».

Василий ШУКШИН,
Виктор САКК [фото]

Кто в связи с фильмом «Викимавочкин» в полудни с родины, с Алтая знаменитых писем Лисенко «Борошка и убийственно», не бери пример с себя, не трать свою землю и нас. Потом в газете «Алтайская правда» была напечатана рецензия на этот же фильм (я его снимал на Алтае), где кроме прописки упреков фильму, был упрек мне — как причина связи с неудачей фильма, зато оторвался от жизни, не знает даже преобразований, какие произошли в его родном селе... И еще упрек с родины: в газете «Викимавочкин» фильм тоже разругали в общем, за то же. И еще потом были выступле-

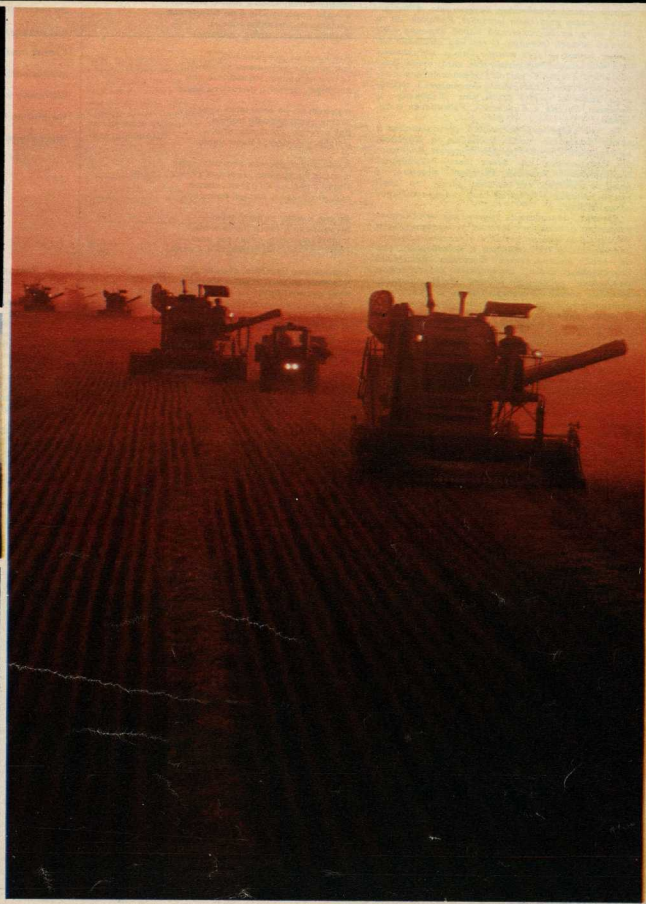

ИХ ПЕРВОЕ ПОЛЕ.

ние моих земляков (в центральной печати), где фильм тоже поименован недобрым словом... Сказать, что я все это принял спокойно? Знают, конечно, сколько правды. Правда же тут в том, что все это: и письма и рецензии, — неожиданно и грустно. В фильм я вложил много труда (это, впрочем, не главное, главное — не без труда создается), главное, я вложил в него мою любовь к родине, к Алтаю, как же жить в сердце — вот главное, и я думаю, что этого не останется незамеченным. Не стану кончать и говорить так: «Я задумался... Я спросил себя: может быть, они правы, я оторвался от родины... Нет, не стану, но и доказывать, что

В АЛТАЙСКИХ ГОРАХ СВЕЛЛО И ТИХО.

СТЕПНАЯ НОЧЬ ПОЛНИТСЯ ШУМНОМ РАБОТ. СТРАДА!

Хабибулло ФАИЗУЛЛО

ЭМЕН ДАВИТАДЗЕ

Русским поэтам

В просторах русских столько широты!
В полях по ветру клонится колоса.
К тебе, Россия, приходишь мечтой,
побыть с тобой, видно, сердце просит.

Лицом к лицу стою с тобой, земля,
в твоих дорогах мне б не затеряться.
Стыдливо, хочется тобою дышать,
неужто высоты свои оставя?

Наполняют девушкам они,
чьи волосы распущены по ветру...
Гостей ты встречаешь печальные дни,
застаню, друзья, радости и веры.

В деревьях, по-осенним простым,
таится душ русские порою.
Гостей ты встречаешь печальные дни,
и небеса светлее надо мною.

В просторах русских ширится душа,
в полях бескрайних, лирично столько света!
Плыву я в мыслях в Грузию, спешу
все, что увидел, датию повесть.

Во сне я вижу родину свою —
Мтацминда и снега Кавказские.
Гостей ты встречаешь печальные дни,
и небеса светлее надо мною —
Тбилиси, Мцхета, Дзвари и Снони.

Я вспоминаю братство, словно дуб,
что лишь корнями обвязан восточным.
Гостей ты встречаешь печальные дни,
от Прометея сила я нас с тобою.

И вспоминают часто старших
в Тбилиси, в Орчелиани — Кавказ Грусти.
Как с тиченными, молодым, легким
шли побратимы, шло поэты-гости.

У братьев братству вечному утесу,
передо мной вечным предостоят,
молюсь братству — так и я молюсь —
Галактион, Паоло и Есенин.

Пока живет на свете хоть один
поэт, последний сочинитель сейрый,
не забываете! — наш союз един,
союз поэтов Картли и России!

Перевел с грузинского
Альберт КРАЙЦОВ.

Ожидание

Лик твой — в сердце моем.
Словно камень под чистой водою
Озарил водою...
Только волны идут чередою.

Ты как будто близка.
Так Луны отражение близко,
Но носится рука
Лишь воды, а не луниного диска.

Нак надежда свела,
Но, сорвавшись нечаянно с лука,
Словно птице стрела,
Обломка нам крылья разлука.

Мнится поездом год,
Дней вагоны скрываются, кажу...
Ожиданье ползет,
Словно тени былых караванов.

Но пока не уму,
Я стиков болорипурую стаю
Каждый день потру
Голубым к тебе посылаю.

Юность

Льня река и луна горючий вдвоем.
О лопачье твоем и аром.
Осенительно-белая роса луны
Расцвела на ладони волеи.

Уносили признанья мои и твои
Ледяного потока струи.
И да будет любовь так чиста и силна,
Как его молодая воля.

Я хотел бы обнять эти плеч водопад,
Двухдневным жарким объят.
И плыву и плыву за веками века,
И вздыхаю в реке облака.

Каплет долгие дождь шумящий поток,
Как бездонное небо, глубоко.
Оглянись! В этот час под луной расцвела
Наша юность и юность Земли.

Перевел с таджикского
Мухаммид СИНЕЛЬНИКОВ.

Этот праздник — один из многолетних в нашей стране традиций литературы и искусства — идет уже свою историю. Робился он в 1967 году, когда советский народ отмечал 50-летний юбилей Октября. С тех пор ежегодно молодые поэты со всех концов Союза собираются на творческие дискуссии. Для того, чтобы пообщаться с юными мастерами, знакомясь с новыми читателями. Хозяевами Всесоюзного фестиваля молодых поэтов были уже Молдавия и Украина, Россия и Казахстан, Узбекистан и Армения...

То, что очередной фестиваль, состоявшийся в конце прошлого года, проходил в Кутаиси, не случайно. Он посвящается 80-летию Владимира Маяковского, его земля — «Традиции Маяковского — молодой советской поэзии» до сих пор не известно, что именно здесь, на этой земле, родился и начал свой творческий путь великий поэт...

Древняя, благодатная грузинская земля тепло встретила посланцев братских республик. Гости побывали во жмыхах городов и селенных страны, встречались с трубящимися и молодежь, везде находили впечатлительных и чутких читателей поэтического слова, интересных собеседников, радующих таланта. На родине В. Маяковского молодые поэты ознакомились с памятными местами, посетили его Дом-музей, в Ванском районе ознакомились с местами, где зачиналось творчество двух славных певцов грузинского народа — Галактиона и Тачиана Тавадзе.

На фестивале был, конечно, не только праздник и экскурсий. Напряженно проходила работа творческих семинаров. Под руководством известных советских поэтов обсуждались стихи молодых, дались конкретные советы по участию в фестивале, глубоко прочувствованы процессы, происходящие в национальных литературах. Зародившиеся в семинарских дискуссиях связи, конечно, будут развиваться и крепнуть, а чем убедят примеры прошлых фестивалей.

Сегодня мы знакомим читателей с творчеством некоторых участников VII Всесоюзного фестиваля молодых поэтов.

я люблю родину и не оторвался от нее, томе не стану: это никому не нужно. Сказать же о родине готов, это, апрочем, будет и о любви к ней, но только пусть не будет никому доказательством. Я давно чувствовал потребность в этом слове. И вот почему.

То, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины (понимая, что я не уезжал, а вынужденно «малую родину»), — а таких много, — невольно несут в душе некую обделенность, чувство вины и грусть. С годами грусть становится совсем не проходит. Момент, отсюда проистекает наша невольное замкновение перед земляками, когда мы привязаны к ним из больших центров в командировку или в отпуск. Не знаю, как другие, а в это что-то смущало и заискиваю. Я вижу какое-то легкое раздражение и недовольство моих земляков чем-то, может, тем, что я уехал, а теперь, никуда не приехав. Когда мне приходится читать очерки или рассказы других писателей о том, как они побывали на родине, я с удивлением не нахожу у них вот этого вот слова: что им пришлось слегка суетиться

и заискивать. Или у них этого не-тут? Или они опускают это слово, вспоминая поездку?.. Не понимаю. Я не могу опустить это, потому что всякий раз спотыкаюсь о какую-то неловкость, даже мне бывает стыдно, что вот я взял и уехал куда-то куда-то... И вот все вокруг вроде бы и не мое родное, и я потерял право называть это своим. Я хотел бы в этом разобраться. Мне же это — моя родина, где я родился и вырос? Мою. Говорю это с чувством глубокой правоты, ибо всю жизнь мою пишу родину в душе, люблю ее, живу ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько... Я не могу вспомнить себе это чувство, но знаю, за что это перед земляками, — оно мое, оно же. Не стану же я объявлять кому бы то ни было, что я есть на этом свете, пока это, простите за неуклюжесть, факт.

Большее всего в родной своей избе я люблю поля. Не потому даже (хотя нечужо мне очень любил), а потому. Теперь, когда и видеть-то не видишь нигде полята (даже в самых глухих и дальних деревнях), оглядываясь мысленно в сторону (потому, по-моему, непохожо зная), я вижу Ал-

тай — как если бы это мое родное полята из детства, особым, в высшей степени дорогой им. Может, это потому (возвращение-то чудится), что скажу мое — на возвышении, в предгорьях, а может, потому что, что с полятами связана неповторимая пора жизни... Трудно понять, но как где-то слышу «Алтай» так вздрогнуешь, сердце планет до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти неизменно помню. Когда буду помырять, если буду в сознании, в последний момент успею подумать матерям, и детях и о родине, которую зовут ас маме. Дороже у меня ничего нет.

Редко кому завидую, а завидую только дальним предкам, но как где-то слышу «Алтай» так вздрогнуешь, сердце планет до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти неизменно помню. Когда буду помырять, если буду в сознании, в последний момент успею подумать матерям, и детях и о родине, которую зовут ас маме. Дороже у меня ничего нет.

нас — прекрасную родину. Красота ее, юность ее поднебесная — редкая на земле. Нет, это, пожалуй, легко сказать: красное на земле много, а земля красная... Дело не в красоте, дело, наверное, в том, что дает родина каждому из нас в дороге, если, конечно, предоступ путь, обратный тому, какой в давние времена проделали наши предки, — с Алтая, вообще, что родина дала человеку на целую жизнь. Я связал юность поднебесная, но и поднебесная, и земля, распахнутая, — юность наших, юность людей, которых люблю и помню. Когда я хочу только представить, что жив особенно тронно вспоминая я из той жизни, которую прожил на родине в те свои годы, в какие память наша, особенно чепкая, обладает способностью долго удерживать то, что ее поразило, я должен выразиться громоздко и несколько неопределенно, хотя для меня это точность и конкретность — я запомнил образ жизни русского крестьянина, нравственный уклад этой жизни, больше того, — меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен в целом — начиная с языка, с жилья.

Алазанская долина

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТРОИТЕЛЯМ ВОДНОГО КАНАЛА.

Здесь череску в крови время прежде начало,
враз луг вырубал в незаметный год...
Скоро всходы появятся возле канала,
алазанские ветры поубеждают вперед.

И сухая земля в пробуждении рани
удар увидит, что всюду цветы зацвели.

Немыми шеломом волны седой Алазаны
оживят пеллеца утолненной земли.

Алавердис фрески...
Ожидание взором
словно голуби, выпорхнут вдруг из окна...
Поле битв отрешивших и эти просторы,
верьте я то, что придет с Алазан волна...

В поле, словно роса, тают звезды ночные.
Ветер мачи колыхает,
из свет заревой
разгорается, вспыхива.

Цветы полевые
вскинут головы к солнцу над ожившей землей...

Здесь череску в крови время прежде начало.
Над прожженной землей проносился века...
Но зеленое поле помыкает к каналу
очень скоро живая большая река...

Перевел с грузинского
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

Ерлан БАГАЕВ

Я — сын твоей

Время мчится, как сон,
Старятся люди и совы,
Но синее небо мое светло,
И в сердце не меркнет соловей.
Чувствам покой — не изжарять.
Страна моя, как амаз не передать!
Позволь мне молча и тебе прийти
И в траве твоих прирывать.
Если сломать — со слезой слезу
Волосью со всем в твою страду...
Я знаю, что слаб и мыслям юн,
Но — сынчик и тебе нуд!
Хочу посвятить я свою судьбу
Снаму, и молитву и уют,
Хочу на твоих непростых путях
Свою обрести тропу!

*

Так ночь темна...
Но почему не спится!
Что я нуду в неугнута тиши!
Писать стихи...

Писать или не писать,
В ночь дна так страна прояснится,
И ты поймешь, откуда эта страсть:
Задум огонь, следить очами темных,
Где нет ни звука, ни луча, ни теней...
И услыши:

Ты побеждаешь страх.
Пусть осень листья в мусор обратит.
Первый прах бытия костров разает,
Плоды синякут — остаются ветки,
Поруха ветви — корень уют!
За этим горьким — в тайну двери,
За эту ночь — новизна зарю...
Моя мечта расквашивать жару,
И горизонт мой освещен доверьем.

Перевел с казахского
Николай КОТЕНКО.

Я думаю, что еще в юности восторженно вспоминаешь двадцатилетнее давнее, которое стало приходить в сибирскую деревню. Надо подождать, когда это здание станет родным, дорогим, когда оно привыкнет и человеку, как привык деревенский дом. Я хочу сказать, что нужно еще время, пока давнее кирпичное здание в деревне, претерпев множество изменений от первоначального замысла в городском кабинете, обмыслится с деревенским человеком, станет таким же сподручным, понятным, необходимым, как деревенский дом в прошлом. Я понимаю, на какой я напрашиваюсь упрек, и все же расскажу, каким я запомнил дом деду моего, крестьянина, — это томо мнелет со мной и тоже чрезвычайное дорого.

У меня было время и была возможность видеть красивые здания, народные гостиницы, восстановившие, очень культурных людей, которые не прижидую, легко ходят в эти гостиные, сидят, болтают, курят, пьют кофе... Я всегда смотрел и думаю: «Ну, вот это, что и есть та самая жизнь — так надо жить?» Но что-то противилось во мне этой красоте и

Нам в проходах дорожных
Наскисывает ветер:
От Волхова до Братска
Мы гуляем время всяк...
Мы пролетим бурей,
Слетая пыль столбов,
Раскручивая струны
Электропередач.

Пусть от работы руки
Отчаянно гудят,
Настраивая, ребята,
Гитары птицам в лад,

Звоните в новых песнях,
Сигналы трубачей,
Задорный смех ровесник
И тишина ночей.

За половину века
На нас всего пришлось —
И радостей до неба
И горького до слез!
Но, что бы ни случилось,
На правом фланге шел
Рабочий класс профессий —
Товарищ комсомолец.

Федор ШВАРОВ

*

Сегодня ночью небо плакало.
Так женщинами от счастья плачут.
Они уже свечивались матово,
Заплаканное и незрячее.
И аспыши молчали быши долги
Величественной вемотою.
А гром озвучивал в восторге
Ты, что сворачивал над землемо.
Свершалась мифа обновлене.
И тополки плакали ветки,
Как плачут в буйном восхищени.
От счастья взбаламощные дети.

*

Россия малых городов
Застыла, словно в ожиданье,

В нетеропливности молчаливья,
В нетеропливности годов.
Нестроенные тополя,
Томившиеся в дремлюм зное.

Линья шаг за городской чертой —
И начинаются поля.
Густое небо летних дней,
До слез синееще вьюсь,
Линья шаг за городской чертой —
Плывут все легче с светлей.
И сквозит смешенье дел и слов —
Мне индуга от них не деться.
Тык истерично плакнет детством
В России малых городов.
Она дуде моей близка,
И я в себе, друзья, не сирую,
Что малым городом порою
Мне представляется Москва.

Оле БАЛУКОНТЕ

Чудо

В озисе
мистикою идеям мям,
путью, что был обещан нам вначале...
Так бьется рыба с стеклом в печали,
Идет по дну горестной зыбки...
Тебя поубавит.
Милой назовут.
Но, что не слышат, уша заткнула...
И дождю струю ветку потянуло, —
по какому те...
огнем ее сожгут...
В озисах пустыни — лишь во снах,
А ведь мнимо это чудо столыки...
Горят стекла в слове, а уже
на рыбах орованных руках...

Перевел с литовского
Владимир ГЕОТБИЕВ.

это неприжудности: понаудя, я чувствовал, что это не неприжудности: я демонстрирую неприжудности. И я хочу быть правдивым перед собой до конца, поэтому поговори: нигде больше не видел такой легкой, простой, законченной целостности, как в жилище дедо-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых в сущности отношений между людьми так. Я помню, что там говорили: правдивым, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жила шутка, песня по предикации, там много, очень много работало, и выражались все жизни. Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озабочила — с ней засыпали, и ней просыпались. Никто не хвастался сделанным, не оскорбляли за промах, но — учили... Никан не могу вунуть себе, что это все глупо, нелегитимно, а думаю, что остоде, от такого устройства и самочувствия в мире, — очень близко к самым высоким понятиям о чести, достоинстве и прочим моральных ценностей ственного роста человека. Неужели в том только и беда, что слов этих —

«честь», «достоинство» — там не знали! Но там знали все, чем жила и крепко человек в чем он индиче: лова! есть проль, корьсть есть корьсть, правдность и суеловне есть правдность и суеловне... Нет явления в жизни, нет такого нечестия в человеке, которое бы там не знали или, полюбому, знали его так, а в прошло время, и стало это качество человеческое поперу, в результате научных открытий, вовсе не плохим, а хорошим, ценным. Ни в чем там не заблуждался, больше того, мало-малыси заметные недостатки в человеке, еще в маленьком, губились на корню. Это в человеке обнаруживалась склонность к лени, то она никак не выговаривалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребенка — она была просто лень, потому вымелась, истреблялась. Зависть, хавистивость, завистливость — все было на виду в людях, никак нельзя было спрятаться ни за слово, ни за фокусы. Я не стремлюсь здесь кого-то обмануть или себя, например, обмануть — нарисовать замечательную картину идеальной, нет, она, конечно, была далеко не идеальной, но коренное русло жизни всегда ося-

завляло — правда, справедливость. И даже очень и очень разное чувство правды и справедливости, здесь нет сомнения. Только с этим чувством люди живут значительно. Этот кровный закон — соблюдение правды — вселяет в человека уверенность в ценности его пребывания здесь, а так думаю, потому что все остальное прилагается к этому, труд в том числе, ибо правда в том, что надо есть...
...Когда я подвезжимо на поезде к Бийску (от Новосибирска до Бийска поезд идет ночь), когда начинаю слышать в темноте знакомое, родное, сельское подпевание в слове, я уже не могу заснуть, даже если еду в купе, волнуюсь, начинаю ворошить прожитую жизнь... Поезд останавливается у каждого столба, собирает в ночь мока шумный, испортивших земляков, вагон то и дело оглашается голясами. Конечно, тут не решаются проблемами НТР, но тут опыт обнаруживается глубокое, давнее чувство справедливости, перед которой я немею. Как-то ночью в купе вошла женщина-пассажирка, увидела, что здесь сравнительно свободно (в бошине пассажиры едут даже в коридорах купей-

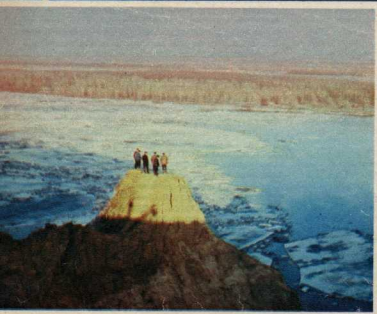
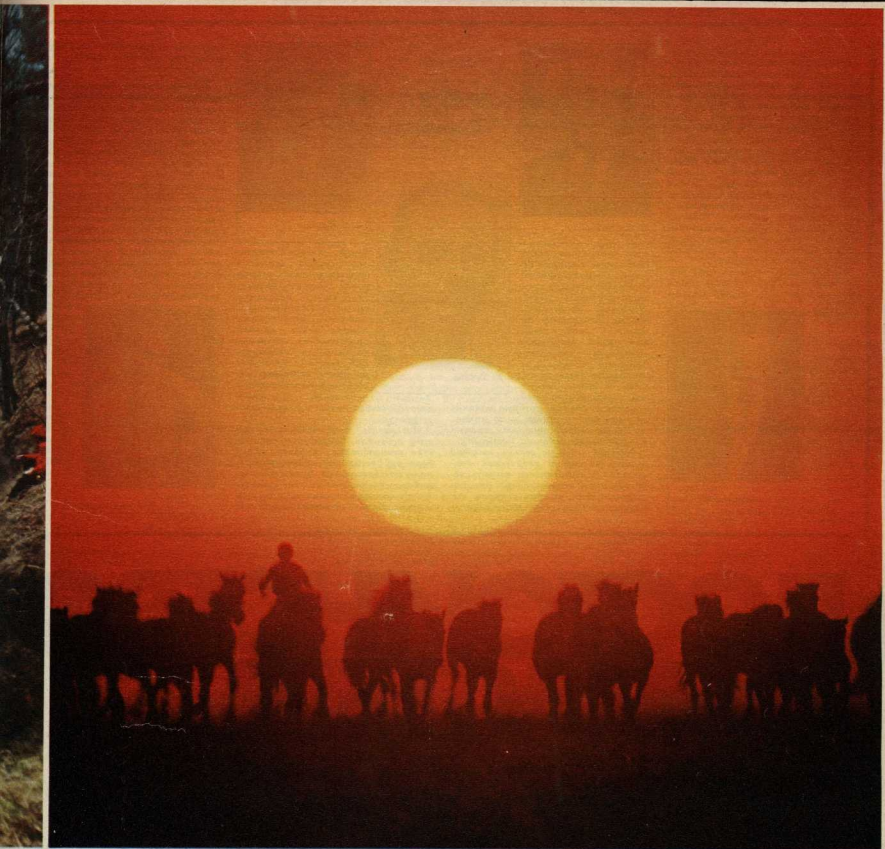

ний вагона, сидит на чемоданах. Благо ехать близко), распахнула пошире двери и позвала еще свою товарку: «Юра, давай ко мне, в тут нешла местной! Не знаешь, что здесь купят, мяса, так сказать, дополни тельно оплачены, так искренне удивились: «Да вы гляньте, но в коридорно делется!.. А у вас вон как просторно! Отметая в уме все «да» и «нет» в пользу решения вопроса таким способом, я прихожу и мысли, что это справедливо. Дело в том, что и в куплет, когда так людно, тесно, ехать нехорошо, конечно. А совесть у человека должна быть, пусть это и нелепо с точки зрения правил передвижения пассажиром, — правда можно написать «друга», была бы жива совесть. Человек, начиненный свеческими направлениями, но лишенный совести, — пустой человек, если не хуже.

РИТМЫ ВЕСНЫ. ЗАПОВЕДНАЯ СТОРОНА.

Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский запас прочности: всегда есть куда вернуться, если станет тяжело. И как-то огромнейшей силой чудится мне там, на родине, какая-то животворящая сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный настрой в душе. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне и не зря верится, что родной воздух, родная речка, песня, зна-

**В ТОПОТЕ КОПЫТ...
ЯСНЫЕ ДАЛИ АЛТАЯ.**

комая с детства, лесовое слово матери врачуют душу.

Я долго стыдился, что я из деревни и что деревня моя черт знает где — далеко. Любил ее молчком, не говорил много. Служил действительно, как на грех, во флоте, где в то время, не знаю, как теперь, встал душой некоторого лажонцева: осветки в основном все из городов, из больших городов, я и помалкивал со своей деревней. Но потом — и дальше в жизни — заметил, чем сильнее человек, чем меньше он, тем острее стыдится или боится, тем меньше желания вызывает у людей дотронуться в нем до того места, ко-

торое он бы хотел, чтоб не трогали. Смотрит какой-нибудь яснымисским глазами и просто говорит: «Видишь». И с него ваялки гладки. Я удивился, до чего это хорошо — не стал больше прятаться со своей деревней. Конечно, родина простит мне эту молодую дурь, но впрямь я зарекаюсь скрывать что-нибудь, что люблю и о чем думаю. То есть, нельзя и надеяться со своей любовью, но как прижмут — говорю прямо.

Родина... И почему же живет в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда? Когда? Ведь не похоже по жизнито... Отчего жет? Может, потому, что она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый повиснет со мной вместе. Видно, так. Благословь тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлива.

С первых своих номеров «Смена» широко представляла свои страницы рабочим, их размышлениям о труде, учебе, профессиональной гордости и мастерстве. Авторами журналов были прославленные рабочие — инициатором сталинского движения в стране: А. Стаханов, П. Крыонов, М. и Е. Виноградов...

Сегодня, как никогда раньше, актуально звучат слова Карла Маркса: «Наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса и, следовательно, человечества всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения». Именно проблеме воспитания молодого рабочего посвящены материалы, публикуемые под рубрикой «Рабочая трибуна «Смены»».

На страницах журнала эта рубрика появилась сравнительно недавно — четыре года назад. Первым

В. В. Ермилов

оказал тогда слово депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, слесарь станкостроительного завода «Красный пролетарий» Виктор Васильевич Ермилов. С этой «трибуны» перед читателями выступали старейшие кадровые рабочие и те, кто бежал лишь первые шаги в своей профессии, руководители предприятий и ученые, которые начинали свой путь в стапке и по личному опыту хорошо знакомы с жизнью и проблемами рабочего человека.

Рабочий — это не только высокая зарплата, но еще и теоретическая важность. О возможности творить, необходимости творчества на каждом рабочем месте говорил в своем выступлении Герой Социалистического

Рабочая трибуна «Смены»

А. В. Чувп

Труда, слесарь Коломенского завода тяжелою столярничества Александр Нелюбович Федулов. Если с малым приходом квалификация рабочего определялась прежде всего суммой практических навыков и приема, то современный рабочий не может не иметь серьезной общей и политической подготовки, овладения

и всеми высшего культурного провеса.

Материалы, опубликованные под этой рубрикой, затрагивали множество разнообразных проблем: от выбора профессии до профессионального мастерства, от производственной и технологической дисциплины до организации социалистического соревнования. Собранные вместе, они

А. В. Синин

могли бы составить своеобразное пособие для молодого рабочего.

Рабочие, выступающие с нашей «трибуны», становятся авторами интересных книг. В прошлом году Издательство политической литературы выпустило книгу мастера завода «Динамо» Юрия Корниенко «Показательный процесс». Юрию Павловичу присуждена в один из вечеров «Смены» 1973 года за статью «Распорядитель времени». Годом раньше такая же премия была присуждена разметчику Кировского завода Борису Чернякову за статью «Говорить жов!». Этой статьей и ее автором заинтересовалось издательство «Молодая гвардия». И вполне возможно, что сегодняшнее выступление В. Чернякова с «Рабочей трибуны «Смены» станет частью его будущей книги.

К. И. Трутнев

И. Н. Панфиловский

ДОСТИЖЕНИЯ РАБОЧЕГО МАСТЕРА

Борис ЧЕРНЯКОВ, разметчик Кировского завода

Рабочее самодовольствие. Два очень простых слова, но как много вместили они в себя! О человеке порой говорят: «Уж очень самодовольна» — вкладывая в это выражение явное неодобрительный смысл. Но стоит присмотреться повнимательней к такому человеку, дамушка в суть его поступков — и окажется, что сказать тут надо было совсем другое: «вселяющая», «амбиция». Потому что перед тобой светлая личность, желание во что бы то ни стало выплыть на первый план собственное «я». Что же касается подлинно рабочего самодовольства, то оно всегда хорошо, всегда к месту и ко времени, поскольку есть в нем признак спокойной уверенности в своих силах, сознательной уважительности к тому,

что умеют делать и твои руки и руки твоих товарищей.

Людей этой категории, очень разных и по возрасту и по характеру, невозможно объединить в одно общее качество. Они мастера, мастера в самом подлинном смысле слова, они считают ниже своего достоинства делать дело кое-как. Да, именно потому, что они сами так считают, и вовсе не потому, что над ними есть контролер ОТК. Отсюда высокий профессионализм, отсюда и умение взять от станка все, на что он способен. Им неизменно поручают обработку самых сложных, самых ответственных деталей, и они воспримут это как должное, как нечто само собой разумеющееся. Глядя на них, занятых у станков своим привычным делом, можно было бы, наверное, для описания происходящего употребить немало притягательных эпитетов и метафор. Но лучше всего сказать просто: люди в работе.

Сергей Цветков пришел на Кировский завод двадцать пять лет тому назад, прямо из ремесленного училища. Был товарищем, освоил профессии строгальщика и долбежника. Около двадцати лет работает на координатно-расточном станке.

Расточник самого высокого класса, обладающий редкой культурой труда, он в числе первых на заводе — да, пожалуй, и в Ленинграде — получил звание «Сталкинский качества». Думаю, нет необходимости объяснять, насколько тесно связано это звание с такими понятиями, как профессиональное достоинство, профессиональный престиж, профессиональная обязательность.

«Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех записок Зинина, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещицкого общества, «инованной общины». Эти слова В. И. Ленина из речи на III съезде комсомола выполнялись «Сменой» но абстрактно, но в конкретном преломлении в конкретных заданиях. Однако если в первые годы существования журнал стремился выполнить эту задачу путем просветительства, путем привлечения широких масс интеллигенции к духовному наследию предыдущих поколений, то в последние годы цель стала несколько иной. Не найти теперь человека, который не читал бы, не знал произведений, скажем, классики отечественной литературы. Но широта познаний, что греха таить, порой поднимает глубины. Говорю, к примеру, о Пушкине, старшесклассник иногда поднимает собственное представление личности и творчества гениального поэта стереотипными формулами, вычитанными в книге. Достаточно зазубрить несколько фраз пожелавшего, — видимость знания. Рубрика «Смена» — «Силуэты» посвящена задаче — как бы осветить память о крупнейших представителях отечественной литературы, осветить не путем назойливого напоминания, но путем приближения к природе всего человека художника к молодому нашему современнику. Ведь только благодаря сознательному восприятию наследия прошлых эпох может благополучно развиваться культура коммунизма. В этом состоял завет Ильича...

Рубрика «Силуэты» вызвала пристальный интерес читателей, журнал начал их извлекать отклики, в других изданиях, к примеру, в «Литературной России», высказывались мысли о создании их отдельной книги. Хорошая мысль. Пока же, выполняя пожелание читателей, мы печатаем биографические опубликованные статьи и воспроизводим вновь портреты писателей работы художника Геннадия Новожилова.

«ПУШКИН И МЫ».
Лев Озарок. № 22, 1970 г.

«БЛОК».
Павел Антокольский.
№ 24, 1970 г.

«ЧЕРНЫШ».
Василий Гайдар.
№ 1, 1971 г.

«КОХЛЕВБЕКЕР».
Александр Бегунов.
№ 8, 1971 г.

«ЧЕРНЫШЕВСКИЙ».
Александр Горюнский.
№ 5, 1971 г.

«ДОСТОВЕВСКИЙ».
Виктор Шкловский.
№ 21, 1971 г.

«ДОБРОПОЛОВ».
Лев Антокольский.
№ 8, 1972 г.

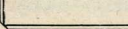
«НЕКРАСОВ».
Владимир Цыбин.
№ 24, 1971 г.

«ЖУКОВСКИЙ».
Светлана Соловиева.
№ 20, 1972 г.

«РЫЛЕЕВ».
Алишер Лихачев. № 12, 1972 г.

«ЛЕРМОНТОВ».
Белла Ахмадулина. № 8, 1973 г.

СИЛУЭТЫ

Павло МОВЧАН

До чего же длинная дорога от Киева до Варшавы, от Варшавы до Вильно, от Вильно до Петербурга. Семигодовалый детсадовский мальчик, который мы подыняли сами над собой (иногда так кажется), прорезал крылом этот маршрут за несколько часов, оставив в нас нерассасанных впечатлений от утренней семейной беседы. Невозможно отрицать того, что Земля уменьшилась, что Луна приблизилась, однако энциклопедическое расстояние и история неизменно. Гомер даже от меня только по условному отсчету (от 1974 года до ?). На самом же деле он в этих вот строках: «Тиса, о богиня, косящая Ахиллеса, Пелева сына...» Шевченко еще ближе. Не только словом, но и родственным во всех национальных измерениях...

Снег такой густой и пушистый, что слезы его леяны едва различимы размытый в белом тумане курчера. В уплах пушистугиды, в середине «и-но» доносится откуда-то издали, словно бы из потустороннего мира. Все уже перенято, все переговорено, но ничего еще не переделано. Да ведь за тебя думать другое... Его превосходительство Павел Васильевич Ингелгард, человек с безучастным чувством времени, сидит в петербурге, демонстрирует тем самым все благоуражие: Поляна ненадежна. Внуты угрожают уже не только господам, но и господским холопам. А о степе своем надо лечь в насти его.

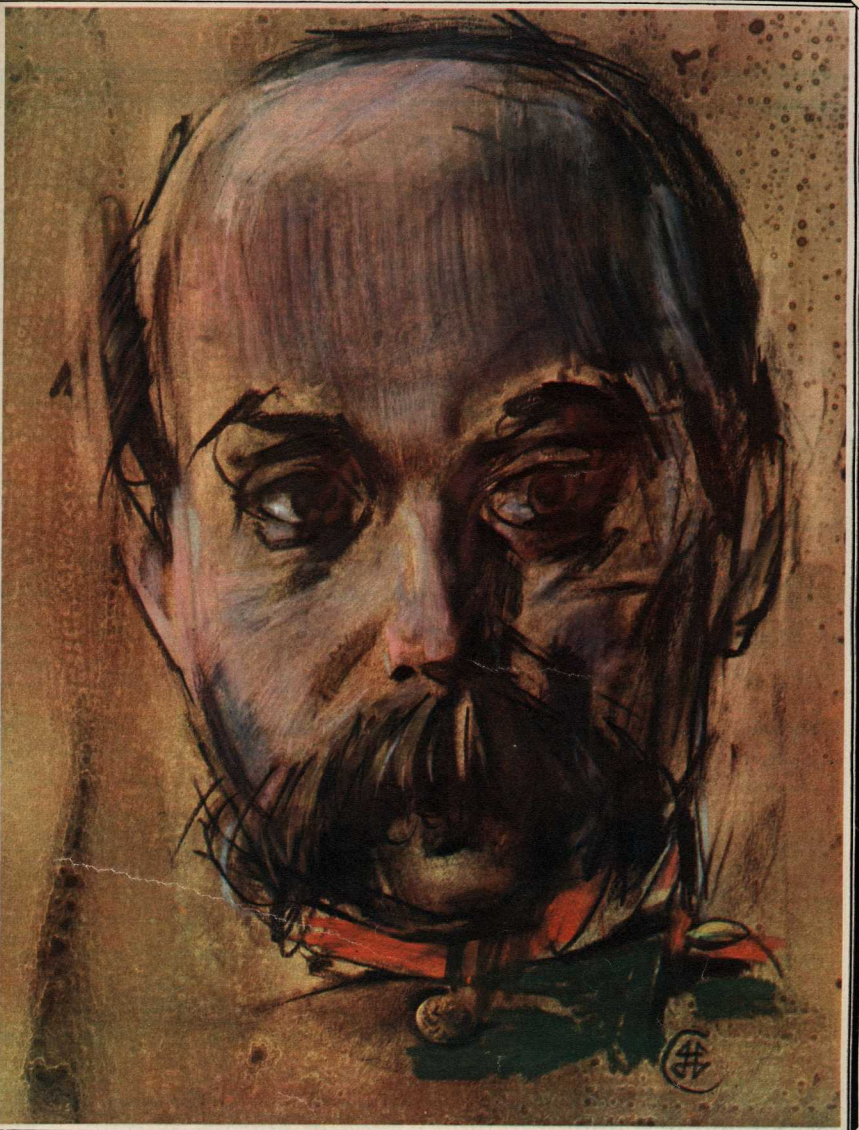
Распустили полянок. А все начинается с либерализации на кухне. Кетати, этот калачок с синими дудками под бровями тоже, вид но, угорел от польского пореха: что-то поубавилось в нем почтительно-сти, и движени, когда подлет трубух, чересчур репки. Со временем надо будет перетасовать колоду. С год еще постоят в прихожей, пусть-ка убедится в моей финансово-о состоянии, но доверять такому своей покой — ни-ни... У него, кажется, рука тянется к краске...

До чего же уютный и однообразный пейзаж... Редки, немножко в болотах дятельца, и воздух здесь будто бы липкий, несмотря на мороз...

— П-но! — Оврий инертный, и кони не реагируют на него. Покачнется головами, но брехо провалилась в снег.

А в ушах звон, как будто стужа поет из-под земли; стельбиное окутает-руху таянети, звенит все прозрачно, прорывающе... И в глазах уже мелькает железный флюгер. Высоко-высоко, как дарь над вином. Ну и мелкая же стужа мир, а Петербург все впереди. А в нем царь-батюшка, царь-владка, царь-вездетельца.

Петербург начинается не с золотого шпала, — дымящегося болото, не замерзающее даже в самые лютые зимы, дышит на новоприбывших обманчивым теплом. И уже потом, когда под колодой загра-

порт торцы мостовой, вступают
английский ошейник с позлащенным
своим крылом, и вы поднимаете вы-
соте его полета. Над кем парит ор?
Неудачи возможно, чтобы
сказали об немом лете. И как
совместить его святость с этиками
платонскими карнидами, бедственно
обнажившими перси навстречу мо-
ру и снегу?
— Столпы! Столпы! На члах ко-
стей взрослого та, утверждая мо-
гущество империй?

До этих вопросов еще далеко,
как резкие контрасты между ка-
менной роскошью и душевной
уверенностью невольно вызывают
догадку: «И это тот самый Эдем,
где пять лет назад под гром заре-
вни присягу Николаю Павлови-
чу?»

Пять лет. Такой минеральный отрезок
времени. Это примерно столько,
сколько служит человеку в жизни
подина Энгельгарда, злого, раздра-
жительного человека, который по
причине своего небрежного произно-
шения ненавидит «особенно вы-
соко».

Требовательно гремит ушами. По-
дойдет, подойдет... Тарас рыком
отрывает оттолкнутые до слышного
баска двери; теперь на пороге
надо слегка согнуть спину: я
к вамши усажу.

«Санкт-Петербургские ведомости
за сегодня. И красивые чернила.
Что это за кафтан на тебе? По ко-
ношине соскочил? Надень новый.
Спай!»

Шуршит плотная бумага, нервно
подвергается ее Газета прочитана.
Так быстро? В руках приложения.
Ага, никак, то что искал. Тарас за-
глядывает чернила в ладони.
«Принхажива в столичный город
Санкт-Петербург 6 февраля (1831 г.)»
сообщает, что на Вильно прибыл
генерал от инфантерии Рымовский
Конаков, адмирал генерал-адъютант
уланского полка ротмистр Энгельгард.
Ротмистр удивлен. Он еще раз
пробегает глазами объявление, по-
дойдет им же самим в «Санкт-Пе-
тербургские ведомости», и бросает
черз плечо:

«Выржи и в сафьян... Ступай!
На дверях лаковая улабка. Рот-
мистру есть о чем подумать. Он
ощущает огромный прилив добро-
ты и уверенности, и губы его пош-
т: «Им еще докажу. Он имеет
спину своих каблуков. И продра-
живает шепотом, теперь уже
с раздражением: «Случайность...»

Какая уж тут случайность, если
пять раз побил всех на территории
и был случайно, то вряд ли маман
допустила бы еще четыре
таких случайности. И, верно уж, не
были бы мы «воспитанниками в до-
ме панси». И могу, наконец, я про-
должить свое приходеждение...»

Сердито звенит серебряно. Рука рот-
мистра с колокольчиком застывает
над столом.

«Сколько я должен задать? Чер-
нила!»

Тарас глазами показывает на
край стола, где дрожит красное пе-
ро, восторженное в малехотку чер-
нильницу.

— Ступай!

Перо скрипит под тяжестью недо-
верия, скрипит на перо, кричит на
бездныи ноты зажатое в пальцах:
«Промение Паала Энгельгарда о по-
жаловании ему диплома и герба и
присвоения к роду родителя...»

Перо, как фатум. Перо — верши-
тель истории и судеб человечества.
Газета не так? Вот подлинит пред-
дательство доверия и вид Энгель-
гарда, и он сразу же ощутит

свою полноточность. А сколько вре-
мени ушло, сколько бумаги расхо-
довано, сколько ожиданий в кан-
целяриях...

«...раб, идиот и неадекват. Вот и
дальше... встречающийся мне князь
Васильчиков сделал вид, что незна-
ком со мною. Мои свобода в руках
негодяя, брошенная в утиль, а вы
не успеваете похвалиться, свое
не успеваете формальности. Ваш
девиз — терпение». Слишком долго
я терпел. Терпеливо терпел. И не
свободен ни в выборе, ни в слове, ни
в поступке. Ами даже вывоза мо-
ево не примут и возвратят мне пер-
точку, осыпанную пеплом. Ну что
там еще?

«Двери — топчутся в дверях. Но-
ги уже не — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

«Все еще? — Ротмистр весьма
раздражен тем, что помешала его
размышлениям. Отдает бумажки
и сам набирает пальцы. — Прост
уже не те — будто ватыне, да и го-
лово отслужил свое — дребезжит:

— Там господии Венецианос ожи-
дают вас»

Он заметил, как Энгельгард по-
блещившим пальцами подкручивал
часы. Крышка прокружил, и в хитро-
сплетении везелей заиграл золотой
мелодия.

«Тысяча восемьсот тридцать второго
года апреля двадцать второго
дня, я нижеподписавшийся подлин-
но Павел Васильев сын Энгельгард от-
пустил в мое честное имя моего
мелодию ТАРАСА ГРИГОРЬЕ-
ВА сына на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

«...на наследство после поминого
родителя моего действительного
наследника Павла Васильевича
Энгельгарда, записанного по реви-
зионному списку в дворянском
списке уезда в селении Кирино, до ко-
торого человека...»

доброе! Свобода рождает неслух. Шир-
яется грудь, утончается плечи, и ду-
ши твои на утах твоих так впе-
чатывают, что ее вольно
можно рисовать траект.

Свобода дает мне право остано-
виться но хотя бы тут, свобода
дает право сказать эти омерза-
тельные слова, и ты, Энгельгард,
дере, держащий на веревке своего
по рукам девочку (в глазах у
нее покорное отчаяние: поймай,
куда сбейши?), скажи, нет, крикни
нет!

— Это же вам не скатина, что вы
ее к коновань призываеите!

«С кем имею честь? — Жан-
дарм раздался и обернулся пожа-
лием помешком в клетчатой паре.
— Художник. — Санкт-Петербург-
ской владычицы художности.»

Поукаивая-поукаивая некото-
рое время смотрел на художника
сквозь прищуренные веки, затем
надеянно проговорил:

«А ведь мы с вами знакомы,
господин Жан-Мариам! Мы встре-
чались в доме Шмидтов, где вы в
обществе Брюллово наслаждались
квинтетам Геттенова и сонатами
Моцарта...»

Опылись же от свободы, господии
он бывших.

«А кто же вы будете, позволите
осведомиться?»

Полупонимая-полунажимаям
синхронично улыбнулся, демонстри-
руя реплика белые зубы.

«Не волнуйтесь, я не двойник
ваш. Я честен в мыслях и выска-
зываюся я действую согласно при-
роды своей личности. А вот кто
вы? Задумались ли? Наверное,
нет. Наблюдая я вас с Милешиним
в театре. Вы все шеп выморочили,
Милешиничко! Господии, стрелки
осмыслил, кто он. Он владыка.
А вот вы кто такой, что осмелива-
етесь заступаться за нее?»

«По ее самодовольному лицу пре-
дупрещу, что вы — луч, отбланный
тоту. Он жестом указал на кре-
постную девушку.»

«И скрою, я все время при-
стально наблюдал, стрелки на
вы к государю. Хоту через вас по-
лать свободу. Применительно к себе
я не могу выдать ее. Да, кстати,
и я купил вашу скверу и отдал
ее замку за дышка-палочкачу.»

«Можно? Мариго?»

«Возможно... Свобода, как ут-
верждает философия, может быть
достигнута только путем насилия
(говоря, неведая), да, знаменит,
соприжизненным с выполнением долга.»

Ваш долг — служить. Вы же я, на-
следник Павла Васильевича Энгель-
гарда, вынужден выслушать вас, да
выполнение чужих обязанностей,
чужого долга. К тому же существ-
ует предвечность: быть про-
данным или купленным, как вы,
невозможно. Говорят, я посетил
ваше имя принимала участие сама
императрица Анна Федоровна. Вот,
милый мой, вам и свобода. Да,
к тому же, вы, как кажется, прома-
лыли слово. Подражаю вас. Лич-
но я ему не доверяю... Да, совсем
зачем передать вам поклон от
Энгельгарда. И его слово.

— Милешин!

«Ну что же, мужик и есть му-
жик. А по потечению — к ответу,
и по всей строгости законам!!!»

Выкрикнул слово «закон», и
мгновенно выскочил из комнаты
и толстого мажора. Выгнул руки,
пытаясь ухватить крилатку, кото-
рая внезапно наполнилась ветром,
развернула и вылетела из комнаты,
обладатель, оттолкнувшись от
столы, легко взлетев вверх, в небо,
закрытое тяжело нависшей тучей,
прогнав вперед солнечным сиянием.

«Дере! Дереве! Дереве! Дереве!
Да у меня триста душ таких холмоп,
как ты! Триста! Триста!»

ется рассказом о воинских подвигах молодежи. Выходящие советские писатели и публицисты несут в журнал и очерки, посвященные молодым войнам. Журнал выступает в роли практического учителя — рассказывает об устройстве ППШ, станкового пулемета, — эти материалы обросли тем, кто завтра встанет в строй бойца, но уже сегодня старто желает овладеть воинским оружием.

Накануне войны «Смена» принимала участие в работе комиссии, авиационные, артиллерийские училища. После войны традиции эти, естественно, укрепились. Война как бы дала поколению комсомольских журналистов огромный стимул, но не только поднять армию, но жить ее кровными интересами, считать своим наивысшим долгом подбо-

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

толку к службе в армии будущих солдат.

В последние годы военная тема в «Смене» тесно связана с пропагандной боевой техникой, «Беседы о современной армии» — рубрика, наиболее часто появляющаяся в журнале, и это понятно. Теперь на вооружении война не только оптикой, но и сложнейшими электронными устройствами, новейшие ракеты, словом техника, требующая от солдата не только дисциплины, но и обширных знаний. «Беседы о современной армии» — это рассказы тех, кто командует этой армией, — авиационники, инженеры, специалисты. «Смена» широко представляет им свою работу. Сегодня своего генерала армии, заместителя министра обороны СССР Ивану Григорьевичу

Павловскому. Его рассказ — о современных Сухопутных войсках, о самом древнем роде войск — пехоте, но пехоте вымышленной, новой, освоенной новейшей техникой, о вооруженной новейшей тактикой и стратегии. Ибо, как отметил в своем постановлении XVI съезд комсомола: «Защита социализма, защита Советского государства — общенациональный долг советской молодежи», а важнейший долг комсомольских организаций — и прежде развивать славы традиции Ленинского комсомола по развитию физического воспитания молодежи и поощрению ее могущества нашей Родины. Настоятельно советуем комсомольским организациям и комсомольцам совместно с Военно-Воздушными Силами, Военно-Морскими Флотом и пограничными войсками.

Эта задача комсомола. Это задача журнала.

ветская Армия имеет на вооружении новейшую боевую технику самых передовых изобретений, авиационные, артиллерийские училища. После войны традиции эти, естественно, укрепились. Война как бы дала поколению комсомольских журналистов огромный стимул, но не только поднять армию, но жить ее кровными интересами, считать своим наивысшим долгом подбо-

КУ ИХ ДЕЛОВИМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАЧЕСТВАМ. КАКИМ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ СЕБЯ ОФИЦЕРАМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ. КАКИЕ ЧЕРТЫ И КАЧЕСТВА ХАРАКТЕРНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ДЛЯ ОБОИХГО ЧЕЛОВЕКА?

— Прежде всего я твердо убежден, что во все времена и на всех этапах развития Советской Армии ее офицерский корпус был и остается организующим ядром, определяющим ее характер, несущим на своей военной доктрине и боевых традициях. Волевым, инициативным, решительным командир, способный самостоятельно и твердо управлять подразделением в бою, всегда считавшим главной фишкой, обеспечивающей победу. В эпоху Великой Отечественной войны я, участник многих сражений, многократно убеждался в том, что успех на поле боя сопутствовал тем войскам, во главе которых стояли энергичные, решительные, смелые, находчивые, инициативные командиры, не боявшиеся пойти на разумный риск, бравшие на себя всю полноту ответственности за выполнение боевой задачи.

Благодаря заботе и вниманию партии и правительства Советская Армия располагает немалым таким политическим званием, всемерно подготовленным офицерским корпусом. Наши генералы и офицеры имеют превосходную военную, политическую и техническую подготовку. Значительное число офицеров имеет высшее военное и специальное образование. И, что особенно приятно отметить, более двух третей офицеров — это молодежь, крепкая физически, выносливая, увлеченная романтикой военной службы. На плечи ложится злая трудная — быть в ту же минуту, личным примером воспитывать в личному войсково заводу и умение вести бой. Многие из молодых офицеров, пройдя службу в войсках, совершенствуют свои знания в военных академиях, это открывает им дорогу к высоким командным и штабным должностям в частях и соединениях.

Теперь о личных качествах, которые я особенно ценю в людях. Специфика ратного труда требует от военных предельно высокой храбрости и мужества, воле, высокой дисциплинированности и требовательности к себе и подчиненным, твердости характера, гладкокрытой и кристальной честности, рассудительности и скромности, решительности и инициативы. Таков, с моей точки зрения, с точки зрения главного критерия — качества удушающего жизнью человека, идеал офицера Советской Армии. Прибавлю, что офицер должен обладать высокой политической подготовкой, широким общими кругозором, знать не только военное дело, но и физику, математику, языки, электронику, географию, литературу, историю...

Такой офицер сумеет воспитать в своих подчиненных веру в победу над врагом, подлинное мастерство в управлении техникой и владении оружием, пробудит интерес к науке, литературе, общественной работе. Современный бой в конкретном смысле есть состязание убо, интеллектуальная схватка с противником, в ходе которой особенно строго оцениваются моральные и боевые качества бойцов. Как только обнаружится недостаточная подготовленность офицера, не высокие моральные качества, безынициативность

не раз бывали одной из главных причин военных неудач.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАКАЛКА ВОИВОН В ПРОШЛЫЕ ГОДЫ ИМЕЛА ДОЛГО И РЕШАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ. ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВОИВОНУ КУ И, К СЛОВУ, КАКОВЫ ВАШИ Личные наблюдения в отношении этого вопроса?

— Согласен с вами в том, что боеспособность воинов находится в прямой зависимости от уровня физической подготовленности личного состава. Опыт минувшей войны показал: чем сильнее была обстановка, тем значительнее становилась роль физической закалки, тренированности воинов.

Существование столь мощных средств поражения, как вымышленные, оснащение войск и различных военных служб сложными электронными системами, бронированными средствами передвижения во много раз повсильли значение фактора времени. Поэтому физическая подготовка воинов, конечно, стала более разносторонней. Она призвана развивать в воинов быстроту и точность действий, ловкость, выносливость, упорство, волю, выносливость, быстроту реакции, предельную собранность. Организация физической подготовки строится таким образом, чтобы в результате систематической тренировки у воинов различных воинских профессий выработались и специальные психологические качества и навыки, которые помогут им с наибольшей эффективностью в кратчайшее время использовать всю мощь современного ми оружия и техники.

Однако обязательным для воинов всех родов войск я считаю умение быстро бегать, преодолевать препятствия, владеть приемами нападения и самообороны, делено и точно метать гранаты, плавать. И это, конечно, не исчерпывает нормы военно-спортивного комплекса. Так что если акцент и смещается, то в сторону плеса.

О личных симпатиях в спорте скажу коротко. Конечно же, они отдаются американскому спортивному клубу, в котором я наблюдаю с радостью и удовольствием наблюдаю за нашей замечательной парой фигуристов Родниной и Зайцевым, люблю стрельбовый спорт, лыжи, гимнастику, легкую атлетику. Сам люблю заниматься спортом, плаваю, кому на лыжах. Бегать...

ВАМ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ, БЕЗУСЛОВНО, ПОДОБИЛИСЬ АКАДОВЫ РАБОТЫ В ВОИТАНИИ МОЛОДЫХ ВОИВОНОВ? КАКИЕ ЗАДАЧИ ВЫ СЧИТАЕТЕ ВАЖНЕЙШИМИ?

— Воспитательная, авангардная роль комсомола прежде всего определяется тем, что личный состав Сухопутных войск — в основе своей молодежь.

К слову, я в сам когда-то, в пору своей военной молодости, был членом комсомольского бюро батальона и полка, участвовал в различных конференциях. Помню, сколько добрых начинаний рождалось в комсомольской среде, как боролись за повышение боевой готовности частей, проводили на полях учений летучие комсомольские собрания, на которых лично доставалось отстающим и иврдаиваюнам. Без прегружения можно сказать, что комсомольца в те годы была огромной силой и первейшим помощником команди-

ветская Армия имеет на вооружении новейшую боевую технику самых передовых изобретений, авиационные, артиллерийские училища. После войны традиции эти, естественно, укрепились. Война как бы дала поколению комсомольских журналистов огромный стимул, но не только поднять армию, но жить ее кровными интересами, считать своим наивысшим долгом подбо-

Действительно, свою службу в Красной Армии я начал свыше 40 лет тому назад. Срок, как видите, немалый. В те теперь уже далекие годы я командовал взводом станковых пулеметов «Максим». Это и было моя первая командная должность. Всего в войсках имелось 4 пулемета. В тот период это было довольно грозное оружие, особенно против открытой живой силы — пехоты и кавалерии. Я уже говорил о том, что невозможно проводить какие-либо параллели между вымышленными суопутными войсками и тем предественниками. Так же трудно сравнивать летучие звенья того времени с нынешними мотострелками. Теперь командир мотострелкового взвода имеет на вооружении несолько броневого ящика с орудиями противотанковых ракетных, скорострельными пулеметами. Личный состав в марше защищен броней и может двигаться в 10—15 раз быстрее пехотинцев того времени.

— СРОК ЛЕТ В АРМИИ — СРОК НЕМАЛЫЙ. ЗА ЭТО ПЕРИОД ВАМ УДАЛОСЬ СТАБИЛИТЬСЯ С ДЕСЯТКАМИ, СОТНЯМИ ЛЮДЕМ?

ров в деле обучения и воспитания воинов. Не потеряла она своей боеспособности и сейчас.

В большинстве соединений и частей 70 процентов составляют комсомольцы, а во многих подразделениях все воины носят на груди комсомольский бинет. Комсомольцы — костяк любого экипажа, расчета, отделения, подразделения, части. Именно они своей энергией, старанием, комсомольским здоровьем задают тон на всех учениях. За успехи, достигнутые в боевой и политической подготовке, высокую воинскую дисциплину 21 комсомольская организация Сухопутных войск награждена переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ, многим воинам-комсомольцам вручены Почетные грамоты Центрального Комитета комсомола.

Попробую на примере одного из соединений раскрыть сущность и роль армейских комсомольцев в решении задач политической и боевой готовности. Уверен, что многим читателям журнала «Смена» хорошо известна прославленная Самаро-Ульяновская, Бердичевская трижды Краснознаменная, орденом Суворова и Богдана Хмельницкого Железная моторостреловая дивизия. В ее рядах живут традиции старших поколений защитников Родины. Здесь каждый второй комсомолец — отличник учебы, почти все комсомольцы — классные специалисты. Более 80 процентов членов ВЛКСМ — спортсмены-разрядники. Важно и то, что во всем отличными отделениями командуют комсомольцы или коммунисты. По итогам прошедшего учебного года дивизия награждена вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть. Это итог напряженного труда комсомольцев, их творческой инициативы, старания, большого воинского мастерства.

Перед армейским комсомолом стоят почетные и ответственные задачи. Интересы защиты Родины требуют постоянного внимания и поддержания сухопутных и других видов Вооруженных Сил в постоянной боевой готовности. Именно в решении этой главной задачи комсомольские организации должны оказывать неуклонно действенную помощь. Что надо для этого? Комсомольские организации должны добиваться, чтобы каждый воин стал отличником учебы, классным специалистом, спортсменом-разрядником, овладел как минимум двумя специальными специальностям, всегда выполнял взятые социалистические обязательства, был исполнительным, дисциплинированным воином, образцово нес службу. Справиться с этими задачами — значит выполнить требования министра обороны СССР на новый учебный год, достойно встретить знаменательные даты в жизни комсомола — 50-летие присвоения ему имени великого вождя В. И. Ленина и XVII съезд ВЛКСМ.

— Иван Григорьевич, минувшие годы в нашей стране были ударным, решающим годом пятилетки. Известно, что в советской Армии широкое развитие получило социалистическое соревнование под девизом «Отлично знать, содержательно и мастерски владеть техникой и оружием». В «Смене» за 1952 год можно прочитать материалы, рассказывающие об армейском соревновании под лозунгом «Сегодня в чем же отличия специфические особенности всеармейского соревнования сегодня? Каковы успехи воинов сухопутных войск, участвующих в нем?»

Другое очень интересный и весьма актуальный вопрос слыван на него не ответить. Попро- бую рассказать обо всем по порядку.

Наша армия живет с народом одной жизнью, одним полем, она неразрывно связана с народом, с его несмертными нитями. Это, и вы знаете, кровное родство. Потому что труд воинской так же важен и необходим, как и труд сталевара, хлебороба, ученого. Как и в целом в стране, так и в армии в минувшем году было широко развернуто социалистическое соревнование. У нас оно проходило под знаком борьбы за отличное знание и содержание, мастерское владение оружием и боевой техникой. Девиз соревнования действительно знакомый, он по форме во многом напоминает армейский девиз тридцатых годов. Что же, так оно и есть. В оружие — сила воина. И вопрос овладения им серьезно стоял с первых же дней существования армии. Но по сравнению с первыми годами, а мы говорим о 1933 году, в оснащении армии и флота оружием и боевой техникой произошли огромные изменения. Тот, кто видел последний октябрьский военный парад на Красной площади, лишней раз убедится в этом.

У сегодняшних молодежи, по-видимому, вызовет удивление тот факт, что бойцы в те годы брали, например, обязательства не только хорошо знать оружие, но и образцово содержать лошадей, двуколки, шашки и люки. И если в военные годы соревновались наводчики орудий и станины орудий, пехотинцы и ездовые, кавалеристы и снайперы, то сейчас в Сухопутных войсках со-

решаются операторы ракет и ПТУРСов, специалисты электронно-вычислительных машин, радиолокационных станций и т. д. Вот такая и специфика соревнования тех лет и нынешних. В прошедшем 1973 учебном году инструктором социалистического соревнования в армии и на флоте выступил экипаж атомной подводной лодки «50 лет СССР», совершивший перед этим многодневный поход по льдам Северного полюса. Разве также было возможно в тридцатые годы! В этом эпизоде отражены те огромные перемены, которые произошли в оснащении оружием и техникой Советских Вооруженных Сил.

Сейчас в армии насчитывается около двух тысяч технических специальностей, а современное оружие — оружие коллективное. Его обслуживание требует синхронности, особой четкости и слаженности в действиях всего личного состава. Вот почему вопрос о мастерском владении оружием и боевой техникой является главным вопросом социалистического соревнования.

Как показала опыт, наиболее действенным является соревнование по задачам и нормативам. Например, в отличной роте, которой командует старший лейтенант Г. Федоренко, организация такого соревнования начинается с разъяснения

нормативов. После этого воины берут конкретные обязательства и приступают к их выполнению. Сначала — отработка индивидуальных нормативов. Затем отработка нормативов в составе отделения, взвода и, наконец, роты. Здесь личный состав действует уже как единый воинский коллектив. Но внутри него сохраняется атмосфера соревнования.

Хочу отметить и другую форму патристической обязанности. Несколько лет назад по инициативе старшего сержанта А. Чубурова и его товарищей в армии началось соревнование за овладение всеми штатным оружием подразделения. Ваканно, чтобы

солдат умел вести точный огонь не только, скажем, из автомата, но и из пулемета, снайперской винтовки, противотанкового гранатомета, с успехом пользовался приборами инфракрасной техники, водил боевую машину. Алисей Чубуров, по инициативе которого развернулась борьба за овладение всем штатным оружием подразделения, записан в Книгу Почета ЦК ВЛКСМ.

Вот так по мере того, как меняются техническое оснащение Вооруженных Сил, усложняются задачи по охране социалистических завоеваний, изменяется и характер соревнования.

Вы просите рассказать об успехах воинов Со-

хопутных войск в социалистическом соревновании. Должен с удовлетворением отметить, что большинство частей и подразделений, солдат, сержантов и офицеров с честью выполнили взятые на себя обязательства. Так, например, в группе советских войск в Германии особенно высокие результаты в боевой и политехнической подготовке добилась гвардейская танковая Уральско-Львовская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова добровольческая дивизия имени Маршала Советского Союза Р. Малиновского, Проскуровской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова мотострелковый полк, многие другие части и подразделения. В мотострелковом полку почти каждый второй солдат, сержант, прапорщик, офицер — отличник боевой и политехнической подготовки. 95 процентов воинов — классные специалисты, почти весь личный состав имеет удостоверение спортсменов-разрядников. Поставившая секретариата ЦК ВЛКСМ задачу: «Создать специальную организацию полка за успехи в выполнении социалистических обязательств и большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи» занесена в «Летопись трудовых дел комсомола», ей вручено Памятное знамя ЦК ВЛКСМ.

Свое маяки есть в каждом воинском округе, в каждой группе войск, по ним равняются, с них берут пример. И в первых рядах соревнующихся идут комсомольцы.

— ИВАН ТРИЩЕВЫЧ, ВЪЕ УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ВСПОМИНИТЕ, ПРИБЛИЖИТЕСЬ, ВАШИ ПЕРВЫЕ ДНИ НА ВОЙНЕ. САМЫЕ ТРУДНЫЕ ДНИ И ПОСЛЕДНИЕ.

— Войну я начал на советско-румынской границе. Начал с тяжелых оборонительных боев с противником, который во много раз превосходил нас численностью. Мы держали оборону на рубеже реки Прут, держали до тех пор, пока были в состоянии драться.

Прежде всего на войне не было легких дней. Мы сражались с врагом, и как бы ни складывалось положение на фронте, мы знали, что в конечном итоге победим. И все же самым тяжелым для меня было терять боевых друзей. Так было в ходе боев 1942 года в Донбассе, неподалеку от Артёмовска. Вместе с командиром полка Владимиром Антлером мы вели стрелковый полк в атаку, чтобы овладеть господствующей высотой. Противник был сброшен с высоты, но комиссар, которого я очень любил и уважал, пал смертью храбрых. И, несмотря на наш боевой успех, этот день для меня был очень тяжелым.

Спустя три года, в 1945-м, как сейчас помню, 27 апреля, был убит майор Денисов, командир нашей батареи, Герой Советского Союза, ветеран нашей дивизии, прошедший от предгорья Кавказа до Берлина. Для нас это была тяжелая утрата, тем более горькая, что близка была победа.

В те дни 328-я стрелковая дивизия, которой я командовал, наступая в первом эшелоне 47-й армии, вышла в район Итцины, где встретилась с танковыми соединениями 4-го Украинского фронта. Считанные дни оставались до конца третьего рейха. Близость победы, добытой тяжелым ратным трудом, вдохновляла и безмерно радовала нас. Советские дивизии шли на Берлин. Шла и моя дивизия. Танком была последние дни победной весны 1945 года.

— ТОВАРИЩ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ, СТАТЬ ЗАЩИТНИКОМ РОДИНЫ ГОТОВИТСЯ МНОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ», ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ НИ ПО НЕЛАТ?

— Прежде всего всестороннюю подготовку себя и воинских подразделений. Для этого необходимо, чтобы юноши призывного и резервного возраста использовали все возможности для приобретения военных знаний и навыков: научились бы хорошо водить автомашину и трактор, работать на радиостанции, сдать нормальную ГТО. Полезно заняться плаванием и авиационным спортом. Помочь им в этом должны комсомольские организации и клубы ДОСААФ.

В нашей стране в законодательном порядке предусмотрена начальная военная подготовка призывников. Как показала практика, молодые люди, хорошо усвоившие программу НВП, физически подготовленные, придя в Советскую Армию, с первого дня находят свое место в строю, быстрее овладевают классической специальностью. Особо хочу обратить внимание юношей на то, что современная сложная боевая техника и оружие могут быть изучены в короткие сроки только теми, кто хорошо знает основы математики, физики, химии, черчения, геометрии.

Вам, ребята, предстоит дальше нести эстафету славы и мужества нашего народа. Помните, что армии и флоту нужны люди образованные, идейно стойкие, физически закаленные, способные соединить традиции беззаветного мужества старших поколений с современными знаниями новейшей техники сегодня.

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

КОНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

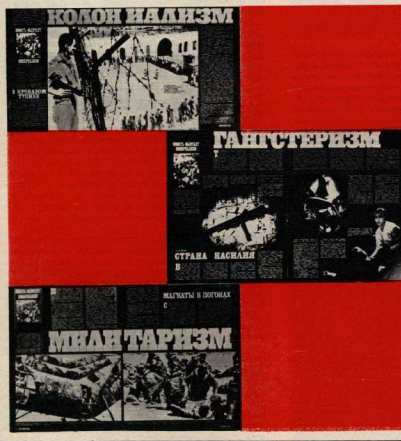
Как и весь комсомол, «Смена» никогда не замыкалась в кругу своих «внутренних», «домашних» проблем. ВЛКСМ воспитывал свои «читательские» кадры ленинцами-интернационалистами, и в этой работе роль печати особенно значительна.

В первые годы существования журнала большое место занимали просветительские, разъясняющие материалы. Журнал часто обращался к истории революционного и рабочего движения, объяснял читателям, что, к примеру, связывало революционное движение пролетариата России с борьбой парижских коммунаров. Много рассказывала «Смена» о борьбе молодежи мира за свои права, о тяжелой колониальной эксплуатации в капиталистических странах — в те годы это было близко, многие читатели «Смены» знали о бесправном существовании человека в мире капитала если и не по своему личному опыту, то по рассказам матери и отца.

Время изменилось. Теперь не только отцы нынешних комсомольцев, но порой и более старшие поколения не знают, что такое улетение, бесправие, что такое работа на хозяина. Изменился и характер международной пропаганды. Но, как подчеркнул в своем решении XVI съезд комсомола, ленинский завет о необходимости объединения усилий молодежи в борьбе за революционный интернационализм остается главным в международной деятельности ВЛКСМ — боевого отряда коммунистического и демократического юношеского движения. Эта мысль проходила красной нитью в выступлениях «Смены» последнее время. К X Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Берлине редакция опубликовала цикл разгромных материалов под рубрикой «Кость обличает империализм», ставшей составной частью всемирной акции, с инициативой проведения которой выступил комсомол. Визиты Л. И. Брежнева в ФРГ, США, Францию и Индию озоршили международный климат. От политики конфронтации к политике международного сотрудничества — к этой мысли приходят правительства многих стран. Но разрядка международной обстановки не всем по нраву. Активизируют свою деятельность всевозможные центры по распространению идей антикоммунизма. Вот почему в юбилейном номере мы начинаем публикацию новой серии выступлений, которые будут разоблачать антикоммунизм — силу, архаичную всему передовому, прогрессивному, силу, мешающую дальнейшей разрядке международной обстановки во всем мире, силу, с которой должна уметь бороться советская молодежь.

Владислав ХОРХОРДИН

ВЕЛИКОГО

ВЕЩАМИ

ин нас боится.
Я не берусь утверждать, что это тот страх, от которого просыпаются в холодном поту, среди ночи, задыхаясь от рвущегося из горла крика. Будь страх тот, или было бы гораздо легче. Протяни руку, включи настольную лампу, прими холодный душ — и все как рукой сняло. Нет, у них даже обост чувств. Гораздо серьезнее. Тут же помогут ни водные процедуры, ни прогулки свежим воздухом. Потому что, даже имея прекрасный цвет лица и былые здоровые, даже блестя острейшим на светской риазет или метаясь в грозы и молнии во все стороны света, они сознают свою ограниченность, свою беспомощность перед лицом неутомимого хода истории.

Я мню в анду тех, кто сознательно вступил на тропу антикоммунизма. Кто борхается теперь в болоте гниющих, давным-давно отживших свое идей, вместе с отживающей свое обществом, основанным на эксплуатации человека человеком.

А невидимый, но всемогущий часовой механизм. История отсчитывает их последние дни, дни, минуты...

— Начинилось, все это давно, мимолет, столетие-два тому назад, когда на социальную арену вступили красноричи, только что родившиеся буржуа. Он ломал без оглядки все устоиности и пре-

ФАШИСТСКАЯ ХУНТА ЗАХВАТИВША ВЛАСТЬ В ЧИЛИ. ПРОВОЗГЛАШИЛА АНТИКОММУНИЗМ ОСНОВОЙ ПРОГРАММЫ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

поян феодализмам, провозгладил конституции, перерывав карту мира, возводил фабрики и заводы, и все это во имя денег, прибыли, чистого золота. Ему и в голову не приходило, что, суетясь в поисках наживы и сверхнаживы, он в то же время заводит прыжком часе Истории. Кто и подозревал не мог, что уже родился тот, кто положит конец его владычеству... ПРОЛЕТАРИИ!

Смертным приговором прозвучали для буржуа выводы основоположников научного коммунизма — Карла Маркса и Фридриха Энгельса об объективной неизбежности истории эксплуататорского капиталистического общества и грядущей торжества коммунизма. За всю историю человечества мало было манисано строи, которые бы и ныне потрясали так, как классическое: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет как капиталистическая частная собственность. Экспроприаторов экспроприируют».

Естественно, что капиталист не мог примириться с тем, что его, еще полного сил и внешне блестящего презентабельно, осуждают заимо на смерть. В конечном итоге попытка игнорировать выводы. Произведения Маркса окрикнулись молчаньем. Буржуазные экономисты и пресса сделали вид, что «не заметили» выхода в свет «Капитала».

Это был один из первых приемов антикоммунизма, который родился вначале как защитная реакция капитализма против учения о неизбежности победы пролетариата — теории марксизма. Это была своеобразная атака на Strauss — голгу в песок, и ждуть, может, ургия обойдет стороной. Затем первые антикоммунисты ринулись в атаку. Кто помнит теперь имена буржуазных ученых Рессера, Бейтнера, Брантона, Тейлора, Робертсона и прочая? Раю, что спускались и то только по скальдающему провалу их попыток «вернуть» Маркса.

Уровень писаний этих первых критиков-антикоммунистов был так низок, что перед подготовленными читателями аудитории они предстали в неприличном виде «голых королей».

Те из буржуазных экономистов, которые попытались честно и объективно разобраться в существе учения Маркса, не могли не отметить насыщенности его исследованиями неопровержимых фактических материалов. Но как только дело доходило до того, чтобы, следуя логике фактов, прийти к выводу о неизбежности краха эксплуататорского общества, они снова прятаяли голову в песок.

Страх стал отныне постоянным спутником буржуа.

Страх перед объективностью. Страх перед правдой. Буржуа из красноречивого здравника превращался в соответствия с предсказаниями Маркса в дряхлеющего старца... «Последней стадией капитализма» назвал Владимир Ильич Ленин развивавшийся в начале XX века империализм. Но учение ланен продолжали все так же твердить о возможности построения социалистического общества; о том, что творкой истории является истинным движущим, только буржуа и т. д. и т. п. Все еще продолжали дышать пылью от поднятия марксистской теории.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции первый период развития антикоммунизма закончился. Закончился позорный и соразмерный позоризмом. Попускались антикоммунисты — теоретично шаманили, кланкуветывали и впадали в экстаз, кричали о невозможности наступления социалистического дня, о бесконечности ночи капитализма, и в дурду первые лучи несомненно поднимающегося на горизонте солнца ударили их по глазам, ослепили.

Первый этап развития антикоммунизма характеризовался самодеятельностью теоретиков и практиков капитализма, которые говорили о социализме самым невероятным образом, бесстыдно и нелепо и в чепуху» (В. И. Ленин). Это, когда капитализм демонстрировал свои мускулы, свою силу, объявляя социалистические идеи химерой, выдумкой.

Любопытным отявлением подобных взглядов стал диалог между Молодым Человеком и Психологом, который Герберт Уэллс вставил в свою книгу «Машина времени».

— В таком случае вы лучше лететь в будущее! — воскликнул Молодой Человек. — Подумайте только... Можно было бы поместить теперь в банк на проценты все свои деньги, а самому поспешить в будущее, чтобы получить удвоенный капитал!

— И отырть там... перебить я... что это все ваши деньги конфикисованы, и общество построено на строго коммунистических началах!

— Эх, фантастические фантазии! — воскликнул Психолог.

Вот так — «экстравагантнейшие фантазии» — в лучшем случае оценивали идеи создания бесклассового общества еще недавно. Подумать только, насколько устарел и неактуален пор даже книга, которую написал фантаст, пытаясь загнать, как ему казалось, в грядущее человечество...

Литинкомунизму пришлось спешно перестраиваться.

Теперь в него включились не только ученые, прислужники. Первые цели правительства сделали барьер, который до рожившихся в России новым обществом смыслом своей государственной политики.

Тогда казалось, что стоит только начаться и «дальней» погонит.

Казалось, стоит только отградить этот опасный очаг заблуждения, и капитализм вновь всплывет и буржуазия сделает вечно, а социалистический эксперимент в России не состоится не более чем раставшим своим кошмаром, в лучшем случае неудачной попыткой воплотить в жизнь «мерзельные» замыслы «кремлевского механизма».

«Удущить ребенка в его колибели!» Это сам матерый империалист сэр Уинстон Черчилль выразил в свое время столь изощренным образом, формулируя цели империализма против молодого Советского государства. «Большевизм несовместим с современной цивилизацией», — изрек он, подливая своей знаменитой сигарой. А песню «ребенок должен быть удушен в своей колибели».

Потрясенный, но не испуганный, Истории продолжал отсчитывать время, и с каждым его ударом социализм становился все крепче.

В полном отчаянии антикоммунисты спустились с цепи, сажая бешеного всея — фашизм. «...и гигантским военным наступлением империализма и его наиболее чудовищным порождением — фашизмом победил социалистический общественный и государственный строй. Это была победоносная идеология над человеконенавистнической идеологией империализма». Так было оценено значение победы советского народа в Великой Отечественной войне. Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза в тезисах, посвященных пленуванному юбилею Великой Октябрьской социалистической революции.

...На протяжении всего Мюрбержского процесса Герман Геринг сидел, прचा свои кабели, глубоко зажавшие глаза за черными стеклами очков. Но был момент, когда он снял их, и дано какое-то подобие улылки появилось на его угадываемом, свисающем вниз мелепым и жутким бурманом лице. Это было, когда на процессе прозвучали вырванные из толку ч проназванной в Фултон речи все того же сэра Уинстона Черчилля. Не срывали улылок злодательства и те реакционеры во всех уголках и щелях мира, которые днем футонской речи пометили в календарь начало очередного старческого наступления коммунизма — периода «холодной войны». На страницах реакционной печати запертели материалы о «дипломатической войне», «тайной войне», «политической войне», «войне идей», «войне нервов». Началась «холодная война» — «война» на доктринах «сдерживания коммунизма», «отбрасывания коммунизма», «освобождения поработанных коммунизмом народов».

4 октября 1957 года лане «Бит-бит» первого советского искусственного спутника Земли ставлен на нет оготелый нерв пропандицистского рулора империализма.

Слушким так символю великих завоеваний советского народа и стран социалистического содружества. Он стал наглядным примером тех объективных изменений, которые произошли в мире, лана идеологии «холодной войны» строили планы насильственного возвращения к прошлому. Будто своеобразный «Бит-бит» Мюрберже превратили для идеологов насильственного «сдерживания коммунизма» в рамках одного государства, «отбрасывания коммунизма из восточноевропейских стран» и других не менее Бредовых идей выводы Совещания представителей коммунистических рабочих партий, которое состоялось в Москве: «Главный итог этих лет — стремительный рост могущества и международного влияния мировой коммунистической системы, активный

процесс распада колониальной системы под ударом национально-освободительного движения, нарастание битв в империалистическом мире, дальнейший упадок и разложение мировой капиталистической системы. На мировой арене все более обостряется борьба за передел мира между империализмом, сил мира над силами войны».

К середине XX века империализм оказался у разбитого корыта. В часовой лентазима Истории становились последние дождики, они огуляли.

Начался третий этап Великого Страха. Начался нынешний, современный, третий этап эвтантомунизма.

«Словес, постигший недавно Верзилин, распустился, как наливное вино, и как-то крабей все в Верзилине — люди, быки, слоны, оленя — забуряются в жилища. Люди начинают жить особой сибирской калиткой, которая и называется запой и котормы, как утверждали изговаревались из старого лада, обрезаю рогов и газет, настоянные на картофельном спирте. Мужички, удавленные запоем, в течение двух самых худших месяцев находятся в сладкой спячке. За ними ухаживают их преданные жены. Когда приходит весна, все, пошатываясь, встают на ноги, и раздаются громыкий клич: «Эй, люди, пора обограться спелью!»

Это не бред сумасшедшего. Это социалистический опус, какой не так уж мало появлялось на страницах буржуазной печати еще не так давно. Вот этот очаровательный стратичек, который мы только что прочли, был опубликован в американском журнале «Мэксикан иллюстрейтед» в 1957 году.

Вот еще один пример — из пособия Массачусетского технологического института для музеев не только русский язык, но и русскую действительность. Там приводятся портреты «типичных русских». Побойтесь-ка: «Идеальный атлет с блестящими будущими. Он живет по точно составленному расписанию. Это значит, что он встает в 6 часов утра (и часто даже в 5 часов). Наскорю ест и идет в антитуп. По дороге к антитупу он поет гимн Гитлеру, поет гимн, сред и латинку по вторичкам он поет якутско-индусь другую патристическую песню). У него много кабинетов. [Почему, у него пять кабинетов? У него много секретаря. [Почему, не то 37 секретарей, из которых двое секретарей.] Когда он входит в антитуп, его секретарь говорит: «Привет нашему славному начальнику Глебу Фомичу...» Целый день он антитуп и проагитирует без отады...» Это конечно, не по-русски клевета, рассчитанная на самого невежественного читателя, привыкшего глотать любую дерьмо, которую ему приподносит пресса. Но нельзя забывать, что такие чепуховые в капиталистических странах не так уж мало.

Сравнительно недавно вернувшись из поездки по Соединенным Штатам Америки члены советского делегации обнаружили расписание, давшее некоторые шлохак и буквально забрасало вопросами типа:

— Можно ли не вступать в комсомол и то будет, если не вступим?

— Можно ли без разрешения комсомольской организации жениться или выйти замуж?

«Россия примерно такая же большая, как Нью-Йорк, или немного больше». «Столица России — Куба». Это из ответов американских шлохачей на вопросы «Что вы знаете о России?» Как видите, самая разудалая клевета все-таки приносит свои плоды...

Ныне, в условиях обострения всеобщего кризиса капитализма, клевета стала одним из главных методов антикоммунистической пропаганды. Авторитаризм марксизма-ленинизма и социализма (зоботрение америкоской струи Москвы, якобы насаждающей революцию везде и повсюду — от Белого дома до льдов Антарктиды; проигрывание знаменитых плакатов с полными «картинками империализма», «советского тоталитаризма» и т. д.).

Терми «современный Б. Н. Пономарев, включив себя для разрезания комсомольской организации жениться или выйти замуж?»

«Россия примерно такая же большая, как Нью-Йорк, или немного больше». «Столица России — Куба». Это из ответов американских шлохачей на вопросы «Что вы знаете о России?»

капитализма как строя, лишеного исторической перспектив и находящегося в условиях социальной деградации.

В своей пропаганде капитализм не гнушается никакими средствами. Приведем несколько примеров. В последнее время на экраны «аутизм», или «еще одного, антикоммунисту. Это пропаганда, которая рассчитана на людей, умеющих читать, но не умеющих думать.

«В течение тридцати двадцатого столетия, наши идеями противники социализма, что отгупное отрицание достоинств социализма не приводит ни к чему хорошему.

Капитализм нынче умирает сразу и тем более бескомпромиссно сопротивляется, чем биче и смерть, писал Владимир Ильич Ленин. Этим обусловлено нынешнее обострение классовых борьбы, одной из форм которой является идеологическая борьба. В настоящее время самым опасным врагом идеологии империализма — антикоммунизма не гнушаются и сейчас возрешением самого гнусного, что порождено человечеством, — фашизма.

ледное, какого-то глинистого цвета лилово. Обильнейший лед инвентарю. Губы вытиснены невидимыми почти штурмом. Ничья — будто раздвоенный слезик. Явно позуря перед фотографом, он вымачивает вперед тяжелый подбородок, косясь на зрителя, и вытисняет из кобыского фильма. И неожиданно старе, как у черепахи, маленькое глазо. Генерал ВВС Хорхе Ли Гусман. Там же написано на перед чинимый на следующей дельте переломов, когда ясная была из оной разрушено авиацией дорда Ла-Монда. Фашистская газета «Ла терсера де ла ора», которая опубликовала его послужный список и фотографии, назвала список подписью: «Лица, которые составляют войска».

Рядом с сильным человеком и «идеологом хунты» фигурировал ее глава — генерал Пиночет, наблюдавший сиком подписью: «Лица, которые своим делом в день переломов на самом видном месте поставил собственный громадный — чуть ли не до потолка — портрет при всех реглах, во всех рост, в лозе: Манолович с шапкой героя национальной истории Чили О'Хиггинса в руках. С момента начала военной карьеры единственной страстью этого замкнутого, мелодиюго генерала было писание учебников по «геополитике», «военной тактике», «физическим идеям» и «оживленному пространству». Журналистам прежде всего сообщают, что он потолок не то французский аристократ, не то басок.

Адмирал Хосе Торрибю Исабел Кастро. Он начал службу в флоте спустя всего несколько часов после того, как клялся в лояльности президенту Сальвадору Альенде. При всплывших «бридцев» фоторепортеров каждый раз тут же вздрагивал, высоко поднимая брови и гарцуя в объектив подслеповатые глаза.

Четвертый член хунты, захватившей власть в Чили, генерал Сесар Мендоса вывозит отсюда-то из Чили, не вернувшись в Чили. Он был в Чили бывший кавалерист — это все, что могли о нем сказать даже те журналисты, которые пытались по-возможности представить чилийца убийцу Альенде — в качестве «корреспондента Корреспондента». Имя на эти «картинки» возмозгла внутренняя и международная реакция задум «экстремизма марксизма» в Чили.

Это они послали самолеты и танки против Сальвадора Альенде, находившегося в должности президента Ла-Монда. Это они, дикимые биологической злобой и страхом перед идеями коммунизма, отдали приказ о разрывании стратегических трубопроводов, который сравнил «только с гитлеровской операцией «Ишт унд небель» — «Онь и туман». Она предполагала организацию настоящей индустрии смерти, убийств в обещанционных масштабах.

С первого же прихода к власти они провозгласили антикоммунизмом основой деятельности.

«После трех лет терпения перед лицом злокачественной марксистской опухоли, которая превлила нас и экономическому, социальному и моральному беспорядку, который мы не можем больше терпеть, мы были вынуждены взять на себя инициативу и возложить на себя ответственность за восстановление порядка и справедливости. Мы знаем, что подавляющее большинство чилийского народа готово бороться против марксизма, готово исполнить его вплоть до последних последствий. Благодаря поддержке этого большинства и поддержке народа, которого мы уважаем, лишь бы не марксистами, мы поведем страну к экономическому, политическому, соци-

альному и культурному возрождению. Я постараюсь сохранить в дословном переводе инграмматического заявления Хорхе Ли Гусман как его космоязычие, так и его — совсем в стиле Геббельса — деловитость.

Фантастика создания, действия по приказу хунты, будут кисти рук музыкантов, разбрасывает на автобусных остановках извученные группы рабочих, чтобы устранить тех, кто не согласен с режимом, разрезавшим волосы, а потом заманивает обезьяны волосы в рот жертвам, приемы которых показались палачам «недостаточно скромными».

Они идут книги, которые показаны на Храмской, Пушкина, Достоевского. Один из книжных магазинов был разграблен только потому, что на витрине выставили в продажу «Книжки для мальчишек» во главе с «Револьвон» в термодинамике. Раз революция — круши, гром, бей...

Под пламенем священной культуры и цивилизации хунта возвращает к коммунизму все ранее предприятия и латифундии Баррио владелцами. «Во время правления Нового единства я разучился улыбаться. Теперь я пою под дуделью», — заявлял бы от восторга, разбрасывая на фаршированные обогорелостями хунты капиталисты.

Яростно хващется фашизм в Чили за колеса неудержимо махающегося вперед локомотива Истории.

Их еще будет возможность убедиться в справедливости истины о том, что штыки бессильны против развития человеческого общества.

бывлена всеобщая, тотальная мобилизация всех сил реакции. Речь идет о спасении от идей, которые существуют не только в Чили, но и в других странах, разрывающихся вдали боев, но как взрывы снарядов в расположении собственных войск.

Реакция вынуждена в известной мере отказываться от односторонних взглядов «методов «колониальной войны», основывавшихся на политике «стратегии силы».

Созрастическая цель антикоммунизма, естественная — свалить коммунизм, свалить социализм, уничтожение социализма. Но формы при этом претерпели существенное изменение. Нынешний этап антикоммунизма характеризуется тем, что его идеологи пытаются приспособиться к условиям существования, роста коммунизма-ленинизма на человечество. Они пытались запретить их существование — не вышло. Они пытались бороться против идей огня и мечом — сорвалось. Теперь, в семидесятые годы, они пытаются главным образом обогатить эти идеи, фальсифицировать их содержание. Главными целями современного антикоммунизма являются: подрыв социализма или хотя бы ослабление его позиций в тех странах, где он одержал победу; предотвращение любых способов революций в «советском доме» — в своих странах; предотвращение перехода на путь социалистического преобразования стран, которые выжили из-под колониальной власти империализма.

Идеологи антикоммунизма сейчас значительно расширили линию фронта, призвав под свои черные знамена как оголтелых, фашиствующих коммунистов, так и разного рода «оборудованных» из числа прирывающихся влево» фразой троцкистов и марксистов с их тактикой, больше всего напоминающей по своей объективной сути тактику «подсальной утки», которая мертво под прямой выстрел реакции. К им приключил сейчас и разные сладкоречивые идеологи «реформизма», пытающиеся разменять золото классовых борьбы на фаршированные алмазы «реформател», как лидерство называют они эксплуататоров капиталистического общества.

Мы еще поговорим с вами об эвтантомунизме в белых перчатках, которые за внешней благоприятностью «ученым» приучат свое антикоммунистическое нутро. Это ты называемся идеологией высшего этажа, «ячейками» — З. Бизинский, Р. Арон, У. Ростоу и другие авторы «теории «геоэкономического, «институционального общества» и «политической системы» Бьюкенена и т. д. Много их сплещено в последние годы.

Теория и практике «ученых» построений, толкующих об «эрозии социализма», использование буржуазной идеологии в целях борьбы с коммунизмом, коммунизма будут посвящены следующие очерки нашего цикла «Оборудованные».

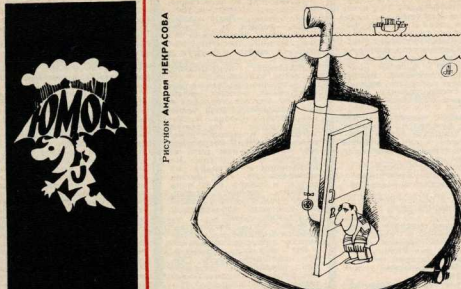

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

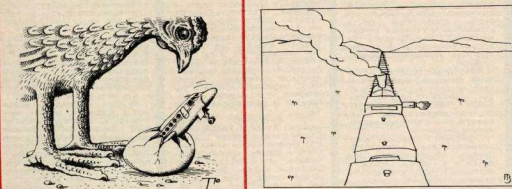
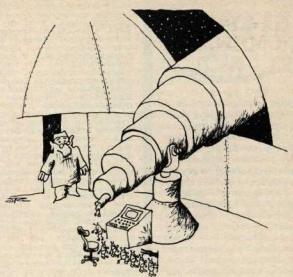

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунок Виталия ПЕСОВА

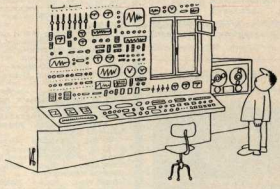

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

XVII ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

В семнадцатый раз открыл наш журнал традиционное значное соревнование читателей — шахматную олимпиаду. В нынешнем году олимпиада посвящается Золоту «Смены», и редакция надеется, что читатели, среди которых любителей шахмат великое множество, дружно выйдут на старт любимой шахматной олимпиады.

При составлении программы этой олимпиады были учтены пожелания читателей, выступавших в предыдущих значных состязаниях. В пяти турах будут предложены разнообразные задания: решения этюдов и задач, разбор интересных позиций из гроссмейстерской практики, проведение классификационных турниров новичков (или комментирование нового шахматного турнира), конкурс прогнозов перемещения матчи претендентов на мировое первенство. Будем надеяться, что содержание этой олимпиады представит интерес и опытным любителям шахмат, и тем, кто недавно приступил к этой игре.

В каждом из пяти туров участники олимпиады имеют возможность получить максимальную оценку в 20 баллов. В слу-чайном случае победитель олимпиады получит 100 баллов. В случае равенства очков у двух участников победителем объявляется тот, кто набрал большее количество баллов. Скорее всего, это будет связано с решением данной композиции. Наивысшая оценка для незуморизованно выполнивших все задания олимпиады — 100 баллов.

Для участников олимпиады присланы ответы на все туры, устанавливающие классификационные нормативы: 12 баллов — на получение четвертого разряда по шахматам, 36 баллов — третьего, 64 балла — второго разряда. Справки о присуждении начального разряда по шахматам будут высланы также участникам турниров новичков (они будут объявлены во втором разделе олимпиады), набравшим 6 и более процентов очков.

Ниже присен основной текст решений, указывая аннотацию, разборочку, а возможные варианты — в сокращенной нотации с красной строки. В своем первом письме, кроме фамилии, имени и отчества, сообщите, пожалуйста, место работы или учебы, возраст, разряд по шахматам (если имеется) и точный домашний адрес. На конвертах не забывайте делать пометку: «На XVII шахматную олимпиаду», а также указывать обратный адрес, фамилию, инициалы.

В свое первое письмо обязательно вложить простую почтовую открытку с указанием своего адреса. Это даст возможность на ней ваш регистрационный номер в архиве инициалам и вышлем вам. В дальнейшем свой номер вы будете сообщать в письмах на последующие туры олимпиады. Такой способ учета позволит нам более оперативно подводить итоги массового соревнования.

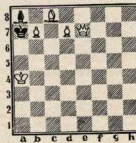
Десять участников, удачно решивших наиболее высокие задания, объявляются победителями XVII олимпиады и награждаются специальными дипломами и набором

фотографий всех пяти советских эйс-чемпионов мира с их автографами. Дипломами и шахматной литературой будут отмечены участники, занявшие двадцать последующих призовых мест, а также лучшие организаторы массовых турниров новичков.

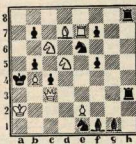
В юрии XVII шахматной олимпиады «Смены» входят: эйс-чемпион мира Василий Смыслов, гроссмейстер Александр Котов, международный арбитр по шахматам Юрий Карахан, член высшей квалификационной комиссии шахматной Федерации СССР мастер спорта Юрий Гусев и редактор шахматного отдела «Смены» заслуженный тренер РСФСР Виктор Люблинский.

ПЕРВЫЙ ТУР ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в два хода (за правильное решение этой композиции присуждается 3 балла).

II
Белые начинают и дают мат в три хода (3 балла).

ЭТЮД — ВСЕГДА КРАСИВО!
Белые начинают и делают ничью (4 балла).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход черных. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба в этом эндшпите (4 балла).

ЧЕЙ ПРОГНОЗ ТОЧНЕЕ?

В апреле 1974 года состоялись два полуфинальных матча претендентов на мировую шахматную корону. В одном из них встретились победители четвертьфинальных соревнований Т. Петросян и Д. Портинг (в Испании) и В. Корчной — Э. Меннинг (в США). Оба полуфинала игрались до четырех выигрышей одного из соперников, но не более чем из двадцати партий.

Читатели «Смены» предлагают ответить на два вопроса:

1. Какое два гроссмейстера станут финалистами состязания претендентов (2 балла).
2. Сколько партий потребуется для определения результатов каждого полуфинального матча (2 балла).
Запомните, что письма на первый тур олимпиады следует отправлять в период с 10 по 31 марта 1974 года.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15.
Внутренний проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

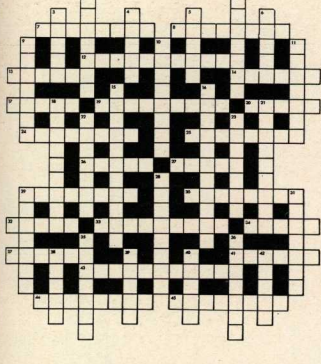
Слано в набор 4/ХП 1973 г. А 02247.
Уч.-изд. л. 11.155.
Орденка Левина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Ирланды», 24.

Подписано и печатано 28/ХП 1973 г.
Тираж 1 150 000 экз.
125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Ирланды», 24.

Формат 70 x 108/8.
Знак № 1554.

КРОССВОРД

Составил Б. ФЕДОРОВ,
Г. Москва

По горизонтали:

7. Комсомолец, боец Первой Конной, литературный герой. 8. Поселок на Чукотке, где сооружается самая северная атомная электростанция. 12. Студенческое спортивное общество. 13. Город текстильного в Литве. 14. Раздел физики. 17. Повесть А. Гайдара. 19. Всемирный слет молодежи. 20. Железнодорожная станция в Белоруссии. 24. Картина народного художника СССР А. Дейнеки. 25. Математический метод. 26. Повесть ономный камень. 27. Часть при-

По вертикали:

1. Роман А. Первенцева. 2. Герой пьесы В. Гусева. 3. Частица электромагнитного излучения. 4. Участник спортивных состязаний, идущий вперед. 5. Смесь руды и топлива для плавки в металлургической печи. 6. Понор, участник нрмиды по изучению природы. 9. Стихотворение В. Маяковского. 10. Специалист по разведению древесных растений и уходу за ними. 11. Вид продовольственных товаров. 15. Литовская комсомолка — партизанка, Герой Советского Союза. 16. Спортсменка. 18. Синица с ярким оперением. 21. Советский поэт. 22. Писа-

емной телевизионной трубки. 29. Областной центр в Казахстане. 30. Пристань на озере Селенгер. 32. Горный край, место основного освоения целинных земель Сибири. 33. Учреждение университетского института. 34. Узбекский советский писатель. 37. Неподвижная часть генератора турбины. 41. Притон Амура. 43. Один из первых комсомольских поэтов. 44. Цветок. 45. Научно-исследовательское учреждение.

тель, Герой Социалистического Труда. 23. Обработка почвы под плодовые насаждения, виноградарство. 28. Советский исследователь Дальнего Востока. 29. Искусство управления самолетом. 31. Страна в Юго-Восточной Азии. 35. Автор пьесы «Горы на заре». 36. Партизанский санитара подпольного района комсомола, Герой Советского Союза. 38. Зеленый покров земли. 39. Специальное сооружение для буровых работ. 40. Город на берегах Чулыма, район лесосплава. 42. Матрос, герой пьесы Б. Лазаренва «Разлом».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

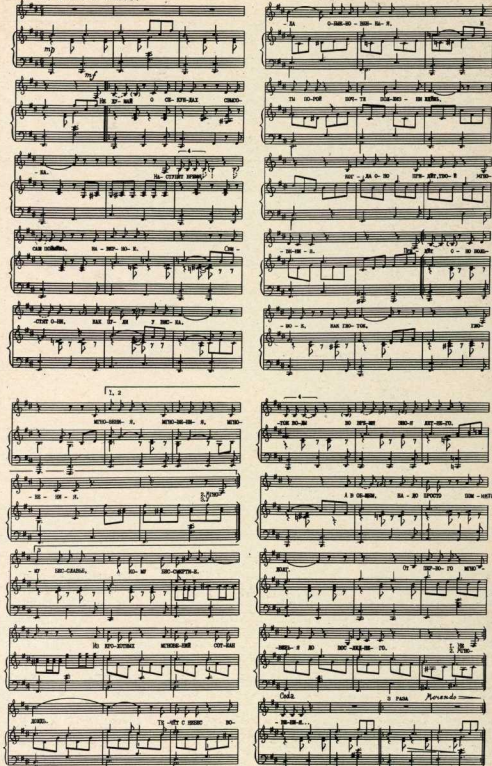
По горизонтали:

5. Сергеевская В. Локин. 9. Ралли. 11. Кайяпела. 13. Шаланд. 14. Давыдов. 15. Риктор. 18. Матлин. 20. Саудал. 22. Деширатор. 23. Томсон. 24. 28. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

По вертикали:

1. Вениама. 2. Аномалия. 3. Конфетти. 4. Эстрада. 6. Умение. 7. Славя. 10. Палеонтология. 12. Любачевский. 16. Тенс. 17. Радон. 18. Махуш. 19. 20. Сирит. 21. Нанду. 24. Оспитр. 26. Астангор. 27. Вогуслар. 29. Вадлол. 30. Поэтига. 31. Петушица.

В СЕРВЕНОМ СЕРВЕ.

Мгновения

Песня из телефильма «Семнадцать мгновений весны»

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Музыка Микаэла ТАРИВЕРДИЕВА

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное:
Смвстят они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения.

Мгновения спрессованы в года.
Мгновения спрессованы в столетия,
И я не понимаю иногда,
Где и когда твои мгновения, где последние.

У каждого мгновенья свой резон,
Своя колокола, своя отметина.
Мгновенья радуют: кому — позор,
Кому — бесславье, а кому — бесертие.

Из крохотных мгновений соткан дождь.
Течет с небес вода обыкновенная,
И ты порой почти полжизни ждешь,
Когда оно придет, твое мгновение.

Придет оно, большее, как глоток,
Глоток воды во время зноя летнего.
А в общем, надо просто помнить долот
От первого мгновенья до последнего.

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное:
Смвстят они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения.

СМЕНА

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ЕСТЬ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, ОБРАЗОВАННОЕ НА ОСНОВЕ
ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РАВНОПРАВНЫХ
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
(По Конституции СССР)

ПОЭЗИИ
И ПРОЗЫ
ГОРНОЛЮБНО
СЛО

ЯНУАРИЙ 1994 г.
СМЕНА
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ ПОЛОЖИ
ОРГАН ЦК КПСР

Мир молодежи
БУДУ РАБОЧИМ

1972
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР
СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО